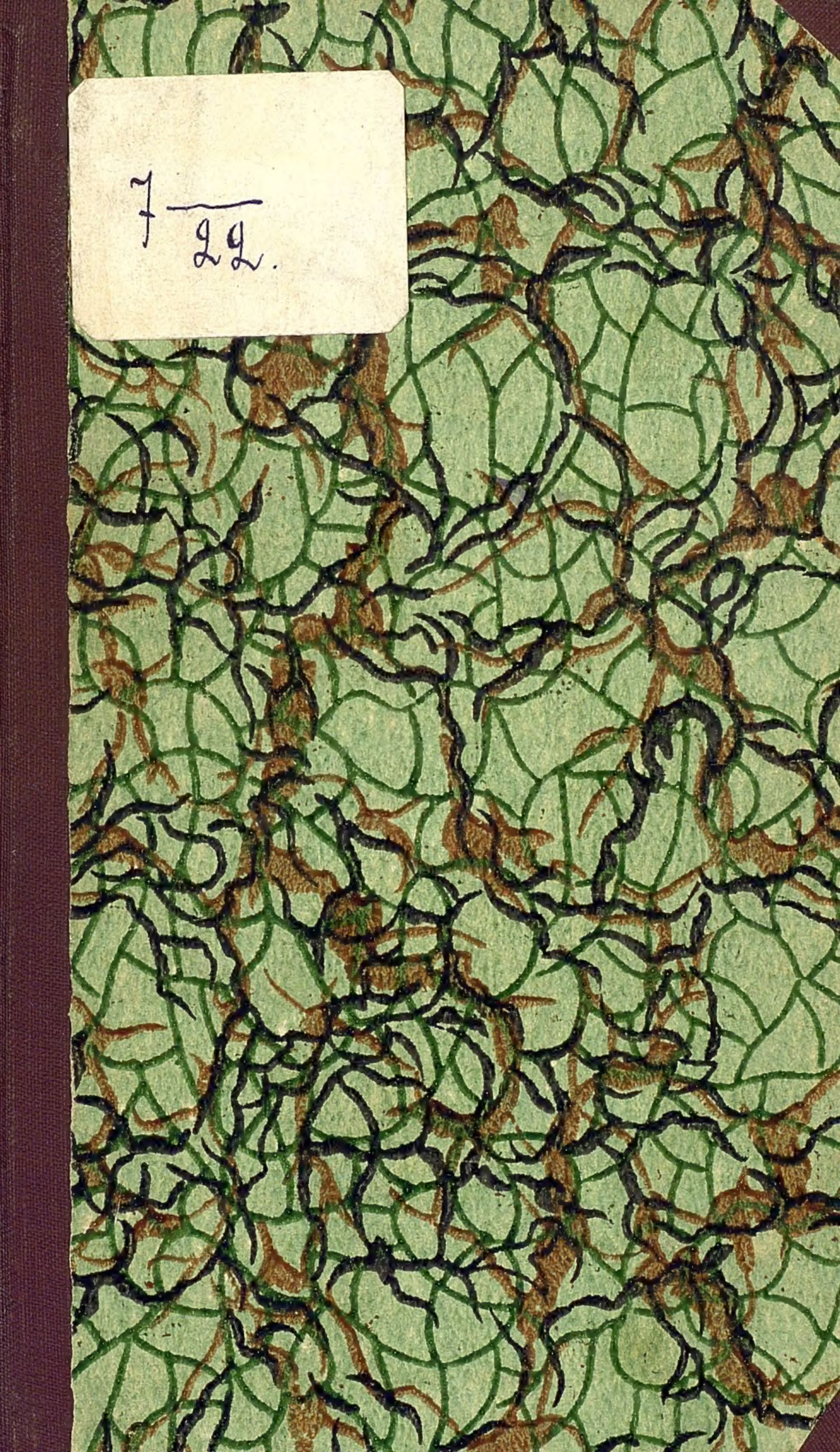

7
22.

М. КОРН.

М. И. Гольдсмит

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СИНДИКАЛИЗМ И АНАРХИЗМ.

БОРЬБА С КАПИТАЛОМ И ВЛАСТЬЮ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА".
ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА.
1920.

Книгоиздательство
СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ
„ГОЛОС ТРУДА“.

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70.

Выпущены в свет следующие книги и брошюры:

М. Бакунин.—Избран. соч. т. I. Государственность и Анархия, с биографич. очерком В. Черкезова . . . . . . Ц. 90 р. — к.

Его-же.—Т. II. Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция, с предисловием и примечаниями Дж. Гильома . . . . Ц. 90 „ — „

Его-же.—Т. III. Бернские Медведи и Петербургский Медведь; Речи и Статьи по Славянскому Вопросу; Народное Дело; Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы; Федерализм, Социализм и Антитеологизм . . . . Ц. — „ — „

Его-же.—Бог и Государство (разошлось) Ц. — „ — „

А. Боровой.—Личность и Общество в Анархистском Мировоззрении . . . . Ц. 30 „ — „

Ж. Грав.—Будущее Общество . . . . Ц. 60 „ — „

С. Заяц.—Как мужики остались без начальства . . . . Ц. 6 „ — „

Ж. Ивто.—Азбука Синдикализма . . . Ц. 5 „ — „

М. Корн.—Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др. . . . . Ц. 50 „ — „

П. Кропоткин.—Хлеб и Воля, с предисловием автора к новому изданию . Ц. 90 „ — „

Его-же.—К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерския“) . . . . Ц. 12 „ — „

Его-же.—Анархия . . . . Ц. 18 „ — „

Его-же.—Анархическая работа во время Революции . . . . Ц. 8 „ — „

Его-же.—Коммунизм и Анархия . . . . Ц. 8 „ — „

Его-же.—К молодому поколению . . . Ц. 4 „ — „

М. КОРН.

М. И. Гольдсмит.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СИНДИКАЛИЗМ И АНАРХИЗМ.

БОРЬБА С КАПИТАЛОМ И ВЛАСТЬЮ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА".
ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА.
1920.

Типография „ГОЛОС ТРУДА“ Петербург.

Революционный Синдикализм
и
Анархизм.

Революционный Синдикализм и Анархизм[1]).

I.

Мы переживаем теперь крайне интересный момент в истории развития рабочего движения и социалистической мысли. Социалистические партии, превратившиеся в партии исключительно парламентские и на целый ряд лет застывшие в полном довольстве собою, в полном отрицании всякой критики, не заметили, как совершенно независимо от них выросло и развилось новое движение—то движение, которое стало теперь повсюду известно под именем революционного синдикализма.

Вначале социальдемократия отнеслась к нему презрительно, враждебно: она узнала в нем близкого родственника анархизма и перенесла на него всю свою ненависть к последнему. Против него не щадили ни насмешек, ни клеветы, ни интриг. Но революцион-

---

1) Настоящая брошюра появилась впервые в издательстве „Листков Хлеб и Воля“, в 1907 году, под псевдонимом „М. Изидина“.

ный синдикализм быстро рос и становился силой, и вражда к нему отзывалась гибельно не на нем, а на самих социалистических партиях: все дальше и дальше уходила от них рабочая масса, и все непримиримее по отношению к ним становилось синдикалистское движение. Скоро стало ясно, что так называемые „рабочие партии" живут совершенно вне рабочих, а рабочее движение идет своим, не только независимым, но и враждебным им путем. И вот, в настоящее время перед партиями стоит дилемма: или окончательно отказаться от претензии воплощать в себе дух и интересы рабочего класса, или приспособиться к новому течению.

Наиболее умные и дальновидные деятели социальдемократии поняли это, и теперь мы присутствуем при полной и удивительной перемене фронта: в странах, где революционный синдикализм силен, образуется внутри социальдемократических партий левое оппозиционное крыло, у которого вражда к синдикальному движению уступает место отношению, которое нельзя назвать никак иначе, как „заигрыванием". Во Франции, социальдемократ Лагарделль вдруг „открывает" синдикальное движение и в своем журнале „Mouvement socialiste" превозносит его как „новую" форму социализма, противуположную социализму парламентскому. В Германии революционный синдикализм рабочих организаций —явление еще совсем новое: „локалистские" союзы численно еще очень слабы и потому не внушают опасений ни крайне отсталой общей массе профессиональных союзов, ни

социальдемократической партии. Но наиболее проницательные члены последней — из крайних левых—уже заглядывают в будущее и идут ему навстречу: таков напр. Роберт Михельс, не щадящий в своих статьях злой критики по адресу своих товарищей и приветствующий в лице синдикализма возрождение истинно-социалистических идей. В Италии в социалистической партии образуется, под названием „синдикалистов", резко обозначенное левое крыло (Лабриола, Панунцио и др.). И нет сомнения, что скоро мы будем присутствовать при подобном же явлении и в России. Синдикализмом начинают заинтересовываться, и, пожалуй, недалек тот момент, когда он „войдет в моду". Представители социальдемократии делают ему очевидные уступки.

Все это—ничто иное, как попытки обновить социальдемократию, внести в нее исчезнувшую революционную и социалистическую идею, но притом сделать это так, чтобы это не показалось капитуляцией перед идеями анархизма (близость которого с современным революционным синдикализмом бросается в глаза). Мало того: главная цель этих попыток—вырвать рабочее движение из рук анархистов. Аргумент: „Если мы не сделаем того-то и того-то (напр. не заявим о своих симпатиях к идее всеобщей стачки, не будем протестовать против увлечения парламентаризмом и т. д.), то рабочие уйдут к анархистам"— сделался в последние годы очень веским аргументом в социальдемократической среде. Даже в России, где еще собственно нет на-

стоящего рабочего синдикалисткого движения, мы видим то же самое. Уже теперь Хрусталев, призывая социальдемократов к более тесному общению с рабочей массой грозит им влиянем „анархо-синдикалистов“[1]).

Во Франции, в Италии и в других странах, где преобладание анархо-синдикалистов —уже совершившийся факт, теоретики социальдемократии прибегают в своих попытках примирения с революционным синдикализмом к другому, удобному и много раз испытанному, средству: заявляют, что истинный провозвестник синдикализма—Маркс, а истинные синдикалисты—его последователи. Сходство, а во многом и полное тождество, синдикалистстких идей с анархическими затушевывается, но зато тщательно подчеркивается в марксистской литературе все то, что содержит хоть слабый, хоть отдаленный намек на современный синдикализм. Так известная фраза Коммунистического Манифеста, о том, что развитие крупной промышленности, об'единяя рабочих, подкапывается под самые основы буржуазного строя, превращается в глазах нобообращенных синдикалистов из социальдемократического лагеря в „тесную и неразрывную связь, которая соединяет синдикализм с Коммунистическим Манифестом“[2])—а следовательно и с современной социальдемократией. За неимением лучшего, конечно приходится довольствоваться малым!

---

[1]) См. статью в „Народной Газете“. Цитируем по „Товарищу“, № 239.

[2]) Статья Лабриола „От парламентаризма к синдикализму“, в „Mouvement Socialiste“, дек. 1906 г.

Как бы то ни было, однако, это положение заключает в себе некоторую опасность. Новое направление в социальдемократии бесспорно стремится к одному только: это — преподнести рабочим все те же идеи под новым, популярным, флагом синдикализма и тем повернуть живое революционное течение в старое русло социальдемократической программы. Вот почему революционному синдикализму следует остерегаться дружественного отношения социальдемократии гораздо больше чем ее вражды.

* * *

В одной из следующих статей мы займемся вопросом о происхождении и исторической преемственности революционно-синдикалистских идей; теперь мы имеем в виду только их отношение к современным социалистическим течениям. Идеал и программа социальдемократии всем известны: коллективистское централизованное государство, сосредоточивающее в своих руках всю экономическую жизнь; завоевание политической власти, как путь к достижению его и как цель социалистического движения; парламентская деятельность, как необходимая принадлежность социалистической программы — все это идеи, в сфере которых мы долго почти исключительно вращались и которые, в глазах многих, слились даже с самым понятием социализма.

Сопоставим же эти положения с руководящими положениями революционного синдикализма, и мы увидим, что здесь — два

противуположных полюса социалистической мысли.

Цель рабочего движения здесь—установление такого общественного строя, в котором владение орудиями труда переходит к рабочим, организованным в производительные группы, свободно федерирующиеся между собою. Эти экономические организации должны заменить собою всякую организацию политическую, т. е. государственную.

Современные рабочие союзы—ни что иное, как зародыши этих будущих групп. Путь к достижению этой цели—непосредственная экономическая революция, экспроприация, производимая самими рабочими организациями, помимо всякого участия политической власти. Началом и могучим орудием этой революции должна послужить всеобщая стачка.

В настоящей, повседневной борьбе с буржуазией—захватный порядок и все средства непосредственной рабочей борьбы: стачки, бойкот, саботаж[1]). Деятельность парламентская, избирательная в этой программе не существует: она не возбуждает никаких надежд, никакого интереса.—„Вы говорите, что о нас сегодня делают запрос в Палате?“ спрашивают, после забастовки электрических станций, в Париже, синдикальные деятели у явившегося к ним журналиста.—„Что-ж, пускай, нам все равно: мы не просим их о себе хлопотать“. Прибавим к этому, что в организационном

---

[1]) Порча материала или, вообще, „плохая работа за плохую плату“. Термин еще не имеющий соответственного в русском языке.

отношении революционный синдикализм держится федералистических принципов; что дисциплина в нем не ценится, культ большинства не существует. Наконец, отсутствие уважения к закону и легальности и самый резкий антимилитаризм дополняют общую физиономию движения.

Не нужно долго думать над этими понятиями, чтобы увидеть и решить категорически, к какому направлению в социализме это течение примыкает. Это—те самые идеи, которые всегда, с самого Интернационала, проповедовал анархизм. Еще Бакунин, в своей статье „Политика Интернационала“[1]) обрисовал желательную ему политику такими чертами, что современное синдикальное движение кажется буквальным осуществлением этой программы. Затем, вся последующая анархическая пропаганда в Западной Европе, вся литература—газеты „Le Révolté“ и „La Révolte“ (мы берем наиболее сильные и типичные), „Речи Бунтовщика“ и „Завоевание Хлеба“ Кропоткина, целая масса брошюрной литературы,—вся практическая деятельность анархистов в рабочей среде—что это, как не проведение тех же самых принципов? Разница только в том, что в анархизм входит еще и ряд философских, этических, исторических и других взглядов, тогда как синдикализм есть движение чисто практическое. Но с *этими* практическими взглядами совместима только

---

1) Газета „Egalité“, 1869 г. Русский перевод вышел отдельной брошюрой в издании „Свободы“ (Москва, 1906).

одна теория, и это — теория анархическая. Только она может служить обобщением этой практики и путеводной нитью для нее.

Это доказывается хотя бы тем, что когда „синдикалистам“ из социальдемократического лагеря приходится обосновывать свое миросозерцание, они говорят языком анархистов.— „Идеал рабочего мира, пишет напр. Лабриола[1]) это — экономическое общество, организованное исключительно для производства и в котором исчезла всякая иерархия..., т. е. общество без государства, без тюрем, без войска, без законов“. „Социальная революция... должна осуществить *автономное управление производством ассоциациями рабочего класса*“ (там же). „Пользоваться государством и его органами для произведения социального переворота“, говорит Лягардель[2]), это — такая же фантастическая мысль как фурьеристские химеры“. И таких цитат можно было бы привести множество из произведений писателей этого лагеря, как по вопросам тактическим, так и в области теоретических идей. „Синдикалисты“-социальдемократы высказывают относительно философско - исторических взглядов марксизма мнения довольно-таки еретические. Фатализм, к которому в крайних выводах приводит точка зрения экономического материализма, и самая теория последовательных стадий развития кажутся им глубоко-реакционными. В той же статье Лабриола („От

---

1) Статья „От парламентаризма к синдикализму“ в Mouvement Socialiste, дек. 1906 г.

2) Статья: „Mannheim, Rome, Amiens“, в Mouvement Socialiste, ноябрь, 1906.

парламентаризма к синдикализму“) мы находим едкую характеристику того, к чему приводит социалистов теория „органического хода вещей“. В ней находит себе оправдание весь оппортюнизм, вся трусость мысли социальдемократии. „Таким образом возникают всевозможные виды практического, положительного, благонамеренного социализма“, пишет он, и с иронией напоминает, по поводу претензии такого социализма на термин „научного“, о существующем в Италии журнале под названием „Журнал научной полиции“! Но затем наш автор вспоминает о том, что он все-таки член партии, и старается на место ложного экономического материализма подставить настоящий. Этот последний, наоборот, говорит он, — доктрина революционная: она предполагает, что „история—продукт сознательной воли человека“. „Основной принцип исторического материализма, это — что люди творцы своей собственной истории“ (там же). И вот, охарактеризовав таким образом доктрину марксизма, наш „синдикалист“ уже без труда заключает, что философско-исторические взгляды синдикалистов происходят прямым путем от Маркса.

Стройный социологической или исторической системы синдикализм, конечно, не выработал; это никогда и не было его задачей. Тем не менее мы находим в синдикалистской пропаганде две довольно ясно просвечивающие идеи: это—отрицание фатальности исторических законов и революционная роль меньшинства. Первый вопрос явился им в виде вопроса о Лассалевском „железном законе“

заработной платны, и они ответили на него так: „Этот закон был бы, может быть, таковым, если бы не существовало рабочего движения, но оно существует, а потому окажет свое давление и помешает закону оправдаться на деле. Наше активное вмешательство изменит фатальный ход вещей“. И эта точка зрения вполне подходит к общему тону революционного синдикализма: главная его черта, это —гордая уверенность в своих силах, в *рабочих* силах. Стоит послушать любого синдикалиста агитатора, прочитать любую газетную статью этого направления, чтобы почувствовать присутствие этой рабочей гордости. И идея всеобщей стачки, присущая революционному рабочему миру, не мало служит к поддержанию этой уверенности в своих силах.

Революционная роль меньшинства—вторая, более разработанная, историко-философская идея синдикалистов.

Эта идея встречается во всех програмных, так сказать, произведениях синдикализма и обусловливает самый характер его, как движения *революционного*, не желающего приспособляться к общей массе всегде более инертного большинства

Мы уверены, что всякий анархист, прочитавши эти строки, скажет „да ведь это—наши идеи!“ И это действительно так не только теоретически, но и фактически. Теорию революционной роли меньшинства, не диктаторского, а меньшинства,—авангарда революции, развивала всегда анархическая литера-

тура. Начиная с „Речей Бунтовщика“[1]), ее можно найти во всех анархических произведениях, где только затрогивались эти вопросы, и теперь, в изложении синдикалистов, мы встречаемся не только с тою же идеею но с тем же обоснованием, с тою же формулировкою ее.

Что касается вопроса о роли личности в истории, то хотя специально анархизм его до сих пор не разработал и своей историко-философской системы, в стройном и законченном виде по крайней мере, не выдвинул, но симпатии всех анархических теоретиков были всегда на стороне защитников „активного прогресса“. И когда современный синдикализм, в свою очередь, примыкает к этого рода течению мысли, то ответ на вопрос: с чем встречаемся мы здесь, с анархизмом или с социальдемократией—становится совершенно ясным[1]). Очень уже далеко от этого провозглашения роли личности до безличной доктрины исторического материализма!

Но этого мало. Для всякого, кто следил за внутренним развитием рабочего движения, напр. французского, ясна не только логическая, но фактическая преемственность этих идей: отрицание исторического фатализма и идея революционного меньшинства были бесспорно внесены в рабочее движение вступив-

---

[1]) Глава „Революционное меньшинство“.

[2]) В западно-европейской литературе не существуют—или по крайней мере не оказывают никакого влияния—другие философские направления социализма, как напр. наша суб'ективная социологическая школа

шими в него анархистами. В первые годы мы находим эти идеи главным образом в произведениях наших пропагандистов [1]); теперь они стали достоянием всех сторонников революционного синдикализма. Движение представило для этих взглядов вполне подходящую почву: его практике могла отвечать только эта теория. Иначе говоря, переходя в теоретическую область, революционный синдикализм принимает взгляды анархизма, и иных принять не может.

II.

Современный революционный синдикализм — явление новое только для людей настоящего поколения: наши отцы знали в 60-х и 70-х годах, грандиозное движение в значительной степени проникнутое тем же духом — движение Интернационала, Международного Общества Рабочих.

Эпоха Интернационала и его организация имеют для истории социализма решающее значение: здесь социалистическая идея сблизилась окончательно с практическим, реальным движением рабочих масс и сделалась *их* идеей; здесь же возникли и оформились главные, до сих пор существующие, течения социалистической мысли. В нем же, в Интернационале, проявился впервые и основной раскол в социализме: между социалистами-государственниками и социалистами анти-государственниками (анархистами), раскол, ко-

1) Особенно в статьях и брошюрах Пуже.

торый впоследствии, по мере разработки программ и проверки их на деле, углублялся все дальше и дальше и привел к такой непримиримой вражде, перед которой, увы! часто бледнеет вражда к непосредственному общему врагу.

Те взгляды, которые мы теперь называваем революционно-синдикалистскими, имеют в Интернационале своим источником то самое направление, от которого ведет свое начало и анархизм в точном смысле слова. Нам уже пришлось ссылаться на статью Бакунина, „Политика Интернационала“, помещенную в газете „Egalité“ в 1869 году. „Буржуазные социалисты“, о которых говорит Бакунин, — не марксисты Интернационала (которые в то время еще не выдвинули с полной ясностью теории завоевания власти и участия в парламентской деятельности), а буржуазные либералы Лиги Мира и Свободы. И однако, полемизируя с ними, Бакунин делает им те же возражения, какие делаем мы теперь нашей социальдемократии. „Это безошибочный признак, по которому рабочие могут узнать фальшивого социалиста, социалиста буржуазного: если, говоря им о революции или о социальном перевороте, он говорит им, что политический переворот *должен предшествовать* перевороту экономическому... пусть рабочие повернут ему спину, потому что он или просто глуп, или лицемерный эксплоататор“ [1]). Истинный социалист стремится к одновременному осуществлению политического и экономиче-

[1]) Стр. 25—26, изд. „Свободы“.

ского переворота; Интернационал, верный основному пункту своих статутов о подчинении всякого политического движения экономическому, „придает рабочей агитации всех стран характер исключительно экономический“ (стр. 31). Средства этой агитации—*об‘единение рабочих масс* и организация *касс сопротивления*[1]). Борьбе рабочих против хозяев, на почве чисто рабочих интересов, Бакунин придает громадное значение. Положение рабочей массы таково, говорит он, что надеяться развить и подготовить ее к революции исключительно путем теоретической пропаганды — нельзя. „Им остается только один путь, *путь практического освобождения*. Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна: это—солидарная борьба рабочих против хозяев. *Это — рабочие союзы, организация и федерация касс сопротивления*“ (стр. 19).

Это ли не современный нам „революционный синдикализм“?

В последующие годы различие между двумя фракциями Интернационала, до тех пор скрытое, стало явным. Уже в 1870 году, резолюции обеих частей расколовшейся—после конгресса в Шо-де-Фоне—Романской федерации, ясно обнаруживают противуположность основных точек зрения. Резолюция большинства высказывает мысль о необходимости замены *политического* общества *экономическим*, о том, что всякое государство есть ничто иное как организованная буржуазная эксплo-

1) Так назывались в то время рабочие союзы.

атация, и что всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике ведет только к упрочению существующего порядка вещей. В заключение говорится:

„Романский конгресс приглашает все секции Международного Общества рабочих отказаться от всякой деятельности, имеющей целью произвести социальный переворот при помощи национальных политических реформ, и *заняться делом федеративной организации ремесл, так как это—единственное средство обеспечить успех социальной революции.* Такая федерация создаст истинное представительство труда; она должна быть совершенно независимой от всякой правительственной политики“ [1]).

В резолюции меньшинства (по составу очень смешанного: в него входили самые отсталые, буржуазные элементы Интернационала вместе с революционерами марксисткого оттенка, во главе с Утиным) говорится наоборот, о вреде воздержания от выборов и предлагается активное вмешательство в парламентскую политику, в виде рабочих кандидатур.

С этого времени Интернационал очень резко делится на два течения: с одной стороны—завоевание политической власти путем проникновения в существующие государственные учреждения, парламенты и проч.; с другой—организация рабочих *вне* государства и против него. Второе течение не отказыва-

---

[1]) Приведено у J. Guillaume „L'Internationale, documents et souvenirs“, т. II, стр. 15.

лось от политики в *широком* смысле слова, как не отказываются от нее и теперь анархисты и синдикалисты; оно отрицало только политику *парламентскую, буржуазную, легальную.*

Одновременно с этим обнаружились и различия в организационных взглядах: первые были централистами, вторые—федералистами. И это было неизбежно: взгляды той или иной категории всегда находятся между собою в логической связи. Программа завоевания или захвата власти, *политического* переворота сверху вниз, идеал „народного государства“ (Volksstaat)—все это ведет к централизаторскому понятию об общественной и партийной организации. Наоборот, общественный идеал свободного союза независимых производительных групп и связанная с ним программа *экономической* революции снизу вверх, требуют проведения федералистических взглядов и в вопросы настоящей борьбы. Вот почему, не только анархисты, но и революционные синдикалисты оказываются федералистами, как были ими представители того же направления,—их предшественники в Интернационале.

Период ожесточенной борьбы обоих фракций—от 1870-го года до гаагского конгресса 1872 года, был периодом постепенной разработки и резкого противупоставления обоих программ. Взгляды федералистов выражаются особенно решительно, особенно уверенно и энергично; их идеи провозглашаются повсюду, на всех конгрессах, во всех странах (в Швейцарии, в Испании, в Италии,

в Бельгии). В „Бюллетене Юрской Федерации“ мы находим ряд статей о бесполезности рабочего законодательства, о том приеме борьбы, который мы называем теперь „захватным порядком“ (action directe), о трэд-юнионах английского типа (которые „Бюллетень“ подвергает строгой критике)—словом обо всех тех вопросах, которые ставятся теперь, с теми же—нашими—решениями.

Гаагский конгресс был, как известно, сигналом распадения Интернационала и гибели централистской, марксистской его части. Федералистический Интернационал—за которым стояли все действительно живые, а не на бумаге только существующие федерации—оказался более живучим: он существовал до 1878 года, деятельно работая, поддерживая связи между федерациями, собирая ежегодные конгрессы. Интересно, что на Женевском конгрессе 1873 года был выдвинут вопрос о *всеобщей стачке*[1]). Правда, понятие о ней было еще очень смутное: от того, что говорилось тогда, до точности и определенности взглядов теперешней французской Всеобщей Конфедерации Труда—еще очень далеко, но знаменательно уже то, что вопрос был *поставлен*, и поставлен именно *федералистическим* Интернационалом. Выдвинут он был бельгийцами; имелась в виду *международная* всеобщая стачка, точнее говоря—начатая повсюду для поддержки революции, вспыхнув-

[1]) Дебаты по этому вопросу происходили в закрытом заседании и до сих пор не были опубликованы; отчет о них имеется только в рукописном протоколе заседания.

шей в какой нибудь одной стране. Бельгийский делегат Верайкен указывал на значение, которое имела бы подобная стачка для поддержки напр. Парижской Коммуны или Испанской революции. Другие делегаты говорили об осуществимости одновременной забастовки во всех странах, о необходимости предварительного развития рабочих союзов, о частичных стачках, и т. д. В общем, всеобщая стачка, представлялась еще тогда стачкой „со сложенными руками"; о ее непосредственном переходе во всеобщую экспроприацию еще не было речи. К какому нибудь определенному заключению дебаты не привели, и в принятой резолюции говорится только о необходимости развития международных профессиональных рабочих организаций.

По вопросу о роли рабочих организаций очень ясный ответ дал последний конгресс федералистического Интернационала (в Вервье, в 1877 г.). Пока профессиональный союз, говорится в этой резолюции, ставит себе целью исключительно временные *улучшения*, он не приведет к окончательному освобождению рабочих. „Он должен поставить своею целью уничтожение наемничества, т. е. уничтожение класса хозяев, и овладение орудиями труда, путем экспроприации их владельцев".

Итак, основная точка зрения современного синдикализма—как и основная точка зрения анархизма—находит себе очень ясное выражение у федералистов Интернационала, у тех, кого называли „бакунистами", у Юрской Федерации; точно также современная

социальдемократия исторически связана с марксистскою, централистическою ветвью той же Ассоциации.

Но вопрос был поднят, и очень немного времени спустя „Бюллетень Юрской Федерации“ выражается уже гораздо более определенно. „В виду того, как мало настоящих улучшений принесли, несмотря на громадные жертвы со стороны рабочих, частичные стачки—в среде рабочих ассоциаций, организованных лучше чем наши, серьезно начинает обсуждаться мысль о всеобщей стачке трудящихся, которая положила бы конец их бедствиям. Такая стачка, несомненно, явилась бы революционным актом, способным ликвидировать современный общественный строй и вполне преобразовать его согласно социалистическим стремлениям рабочих“ (№ от 29 июня 1874 года).

В следующей главе мы рассмотрим постановку этих же вопросов в анархическом движении, в период, последовавший за Интернационалом.

III.

Мы видели, как решались в федералистической ветви Интернационала существеннейшие вопросы рабочего движения: эти решения были очень близки к тем, какие дает нам современный революционный синдикализм во Франции.

Но ход развития далеко не был здесь непрерывным. Реакция, последовавшая за поражением Коммуны, гибель и изгнание

наиболее энергичных деятелей, преследования против членов Интернационала во всех странах—все это не могло не повлиять, хотя бы временно, подавляющим образом. В социализме получило преобладание умеренное течение, повернувшее в сторону легализма и парламентской политики; в профессиональном движении на сцену выступили буржуазные мютюалисты, сторонники примирения классов,—те самые люди, с которыми в прежние годы боролись деятели Интернационала. Рабочие союзы казались им такими организациями, с помощью которых можно с успехом канализировать и обезвредить рабочее движение; они окружили их бдительною опекою, доставили им свое милостивое покровительство и постарались овладеть ими,— сначала даже через *своих* людей, в роде Дюпира, а впоследствии через честолюбцев, в роде Барбере.

Затем, в 1884 году, после сильного брожения в Лионе, Монсо-ле-Мин, Сент-Этьене, Вьенне и т. д. (которым конечно постарались воспользоваться роялисты против республиканцев), и после Лионского процесса наших товарищей анархистов, наделавшего много шума, оппортюнисты решились вызвать рабочее брожение наружу, позволивши открыто организовать рабочие союзы. После закона 1884 года, разрешившего профессиональные ассоциации—творение одного из умнейших политиков буржуазии, Вальдека Руссо—рабочие, думали они, навсегда забудут о социализме и о революции.

Понятно, что в эти реакционные годы

мечтать о проникновении революционеров в профессиональные союзы было трудно, думать о подчинении их, как организаций, влиянию революционного социализма — невозможно. Оставалось только одно: пытаться действовать на рабочую массу независимо от них; так и поступали в это время все социалисты, не перестававшие стремиться к расширению задач движения в направлении социализма.

Нередко приходится слышать, что в первые времена развития анархизма, наши товарищи относились отрицательно к рабочему движению, сторонились от массы и, замыкаясь в гордом одиночестве, занимались больше всего культивированием собственной индивидуальности. Нам часто говорят, что только в последние годы анархисты пошли к рабочим, что современный синдикализм—уступка со стороны анархизма духу социальдемократии, а не наоборот. Нужно заметить, что в полемическом отношении это—прием очень удобный; но в основе его лежит полное незнакомство с историей анархизма, и находить себе отклик он может только благодаря тому, что среди нашей публики до последнего времени можно было безнаказанно распространять какие угодно исторические басни. Между тем проверить их не так трудно: стоит только познакомиться с анархической литературой за этот период времени, чтобы увидать, как пишется социальдемократическая история.

С 1879 года начала издаваться в Женеве газета „Le Révolté“, положившая в осно-

вание своей программы взгляды федералистической ветви Интернационала [1]). Орган этот, однако, не ограничивался проведением уже известной точки зрения: он развивал ее дальше, и положил начало последовательной и стройной разработке анархических идей—теории и тактики. Руководящие статьи этой газеты, появлявшиеся тогда без подписи, как статьи редакционные, — те самые „Paroles d'un Révolté“, („Речи Бунтовщика“), которые, выйдя впоследствии цельной книгой за подписью П. А. Кропоткина, стали настольной книгой каждого революционера во Франции, да и не в одной Франции. В этих пламенных статьях социалистической мысли открывались неведомые доселе горизонты; перед рабочим движением ставились задачи, захватывающие дух. Идея социалистической экспроприации становилась доступной, осязательной. Вместе с тем, на первый план повсюду выдвигалась самодеятельность *рабочей массы*, развитие *в ней* „бунтовского духа“, необходимость движения снизу вверх, общественной организации снизу вверх. Го-

---

[1]) Газета явилась продолжением „Бюллетеня. Юрской Федерации“—органа федералистического Интернационала — и газеты Avant-Garde, основанной Юрцами, как орган создавшейся в 1878 году тайной Французской Федерации Интернационала, а потом, с закрытием „Бюллетеня“, заступившей его место, но закрытой Швейцарским правительством в 1878 году. Влияние Французской федерации очень заметно было на конгрессах французских синдикатов; ее члены всегда присутствовали на этих конгрессах, как делегаты рабочих союзов, и их доклады составлялись сообща нашими товарищами.

ворить об аристократическом индивидуализме анархистов этого периода можно, очевидно, только обращаясь к публике, никогда не читавшей ни одной строчки этого типичного анархического profession de foi.

Задача расширения целей рабочего движения стоит в „Révolté“, на первом плане; газета внимательно следит за фактами рабочей борьбы, каждый раз показывая необходимость революционизировать стачки и довести их до попыток всеобщей экспроприации. Точно также „Révolté“ приветствует все революционные акты, происходящие в процессе этой борьбы: попытки восстаний, акты экомического террора и т. д. [1]). Относясь отрицательно к трэд-юнионизму, создающему рабочую аристократию, наши товарищи, тем не менее, сочувствуют образованию крестьянских союзов, проникнутых более живым и революционным духом, охотно печатают об'явления о новых корпоративных органах социалистического оттенка, о собраниях и митингах, имеющих целью вдохнуть в рабочее движение революционную энергию. Одною из первых попыток этого рода было собрание в Париже (в 1885 году) 22-х корпораций строительных рабочих, поставивших, между прочим, вопрос о всеобщей стачке. „La Révolte“ (продолжение „Le Révolté“) приветствует по этому поводу начало освобождения корпораций от парламентской рутины и стрем-

[1]) См. особенно статьи по поводу восстания углекопов в Деказвиле и убийства рабочими местного деспота, инженера Ватрена.

ление рабочих самим взяться за свои дела.— Повсюду, где возможно, анархисты принимают горячее участие в стачках и, вообще, рабочих движениях, стараясь отклонить их от легализма и увлечь на революционный путь. Они не разделяют, конечно, иллюзий рабочих относительно результатов конкретных завоеваний и всегда пытаются показать невозможность коренных улучшений в капиталистическом строе; но они тем не менее ценят в стачке—особенно в стачке революционной —ее воспитательный характер, видят в ней форму протеста, волей неволей приучающую к самодеятельности рабочую массу.

В стачечном вопросе наши товарищи 80-х годов стоят не *против* конкретных требований, а лишь за расширение их, за революционизирование способов их удовлетворения. Стачке „со сложенными руками" они противупоставляют стачку-бунт. Участие анархистов во всех крупных стачках—во Франции, в Швейцарии, в Бельгии, в Америке—служит этому доказательством. „Наше дело, пишет в 1888 году „La Révolte" по поводу забастовки землекопов в Париже, „пристать к движению; когда льется кровь, не время рассуждать о его пользе или бесполезности".

Типично в этом отношении известное дело в Чикаго. 1-го мая 1886 года там вспыхнула, по инициативе „Рыцарей Труда", крупная стачка. Грандиозная рабочая демонстрация была разогнана полицией, произошло избиение рабочих. Анархисты созывают митинг, готовят бомбы, оружие. На митинг они, однако, явились безоружными: знаменитая

бомба была брошена не ими. Но поплатились за движение именно анархисты: самые выдающиеся, лучшие, благороднейшие люди американского движения — Шпис, Парсонс Фишер, Энгель погибли на виселице, Линг, убил себя перед казнью. Ярость буржуазии против них не знала пределов; никогда, кажется, не требовала она так жадно крови, не смаковала так цинично предстоящей казни. Но также горячо встали на их защиту рабочие массы; агитация в их пользу приняла во всех Соединенных Штатах необычайные размеры и сразу подвинула вперед рабочие организации, из которых некоторыя прямо заявили себя солидарными с анархистами. В одном воззвании нью-иоркской „Федерации Ремесл“, например, говорилось между прочим очень определенно: Анархия, это—человечность, это—свобода, это - справедливость!“.

Анархисты участвовали и в знаменитой лондонской демонстрации безработных на Трафальгар-сквере (в 1887 году), и в подобной же демонстрации в Париже в 1883 году (после которой были осуждены Луиза Мишель и Пуже), и в других, менее крупных, эпизодах рабочей борьбы. Приветствуя каждый шаг вперед рабочих организаций по пути социализма, они кое-где уже начинают приобретать на них влияние. В 1888 году в Лондоне происходил конгресс трэд-юнионов, при участии рабочих организаций других стран— французских, бельгийских, голландских, датских. Трэд-юнионы, говорит „La Révolte“, проникнуты реформаторским духом, но они

стоят за реформы, добытые *самими рабочими*; среди них можно, поэтому, надеяться посеять и более правильные взгляды. Анархист Тортелье (француз) принимает в конгрессе живое участие, восстает против реформ свыше, возбуждает интерес слушателей; конгресс, в конце концов, принимает предложенную им резолюцию, в которой говорится, что „рабочие должны рассчитывать для своего освобождения только на свои собственные силы“.

Следующий год — 1889-ый — был годом крупных стачек, принимавших кое-где характер всеобщих. Особенно замечательна была лондонская стачка в доках, поднявшая массу не-профессиональных рабочих, тогда еще неорганизованных и считавшихся „несознательными“. Анархисты приветствовали их выступление, а также и связанное с ним нарождение в Англии рабочих союзов нового типа, более подвижных и более восприимчивых. Очень важным явлением казалась им и самая стачка—по высокому проявлению в ней рабочей солидарности и по успехам, которые сделала во время ее идея всеобщей стачки.

Страною, где анархистам раньше всего удалось приобрести влияние на рабочие организации, была Испания. Еще в 1871 году анархические принципы были впервые приняты рабочим конгрессом в Барцелоне, об‘единившим большинство рабочих корпораций страны. С тех пор анархисты не переставали там быть душою рабочих организаций. То, что мы называем теперь революционным синдикализмом, нашло себе раньше всего выражение именно здесь. В Испании, больше

чем где бы то ни было, сохранились формы организации Интернационала (местные и областные федерации, об'единяющиеся в общую Испанскую Федерацию); вместе с тем испанские рабочие всегда умели совмещать деятельность открытую, необходимую для обширных рабочих организаций, с деятельностью тайною, также необходимою, но требующею гораздо более тесные группы, тогда как в других странах исключительный перевес обыкновенно давался той или другой — с ущербом для общего движения. Секции Интернационала, создавшиеся под влиянием „бакунистов", здесь были тайные, вследствие гонений последовавших за провозглашением коммуны в Алькое и Картагене и за движениями в Андалузии и в Барцелоне. Но эти секции были всегда в самой тесной связи с профессиональными — рабочими и крестьянскими — союзами. Особенно сильно было их влияние на барцелонских рабочих, организованных в громадную [80.000 человек] „федерацию ремесл". Им именно обязаны мы широкими рабочими движениями в этой области в последующие годы и сильным развитием в ее населении социалистических и революционных идей.

Нужно заметить еще, что испанские анархисты всегда держались того взгляда, что рабочие союзы могут составить зародыш тех групп, в руках которых окажется в будущем заведывание экономическою жизнью. Еще в 1887 году мы находим в органе испан-

ских анархистов „El Productor“ [1]) воззвание, в котором, между прочим, говорится, после изложения экономического идеала анархизма: „Производитель—истинная общественная единица...... Первая общественная группа, это — группа производителей одной и той же отрасли труда. Основной общественный договор заключается между производителем и соответственной группой производителей той же отрасли“ (Манифест Испанской Федерации). Понятно, что такая точка зрения придавала в глазах наших испанских товарищей, рабочим союзам такое значение, какого они далеко не имели для других.

Вообще говоря, этот взгляд не был свойственен в то время *всем* анархистам, да и теперь играет в их „синдикализме“ несущественную роль. Основная черта экономического идеала анархизма—свободная федерация производительных групп—не меняется от того, будут ли эти группы продолжением современных рабочих союзов, или возникнут самостоятельно, в момент революции. Принципиального значения этот вопрос не имеет, и анархическая пропаганда первых десятилетий им мало занималась: одни представляли себе эти группы из рабочих одной профессии, другие—из жителей одного квартала города; третие, и они составляли большинство,—в виде двойной сети профессиональных союзов для общественного производства, и территориальных коммун для потребления. Но по мере того, как рабочее движение раз-

---

1) Номер от 8 июля.

вивалось, *как профессиональное*, и рабочие союзы проникались социалистическими и революционными тенденциями, по мере того, особенно, как вырабатывалась в них идея всеобщей стачки, будущая форма экономических групп обрисовывалась более конкретно: становилось ясно, что революционные рабочие союзы, более чем какие либо другие группы, подготовлены к тому, чтобы овладеть производством в момент революции. В настоящее время большинство наших товарищей, в странах, где развит революционный синдикализм, стоит именно на этой точке зрения.

Но как бы ни решался этот вопрос, отличительная черта синдикалистской тактики— прямое воздействие, захватный порядок—неуклонно проповедывалась анархистами. Самое выражение „action directe“ (впоследствии популяризированное в рабочем движении, главным образом нашим товарищем Пуже) было употреблено, если не ошибаемся, в первый раз газетой „La Révolte“ по поводу стачек в бельгийских угольных копях в 1887 году[1]). Точно также, когда был поставлен вопрос о 8-ми часовом рабочем дне, анархисты, критиковавшие практические результаты его достижения, говорили вместе с тем: „Вы хотите иметь 8-ми часовой рабочий день? Берите его! Уходите из мастерских, проработав 8 часов—и вы достигнете своего“ [2]).

„Вы хотите восьми-часового дня?“ писа-

---

1) № 20, год 1-й.

2) „La Révolte“, 1889 и 1890 г.г.

ла английская анархическая газета Freedom. „Постановите сегодня же, на первомайском собрании, что завтра 2-го мая, вы все намерены пить свой пяти-часовой чай дома, и бросьте работу в четыре часа“. [Напиться дома чайку в пять часов пополудни, — five o'clock tea—идеал всякого англичанина].

Не есть ли это тот же самый лозунг, который выставила во время майского движения 1906 года французская Всеобщая Конфедерация Труда? Наконец, даже идея „саботажа“ была впервые развита в „La Révolte“ по поводу начатой ирландцами в Глазгоу проповеди „Go canny“ (работай полегоньку).

Идея всеобщей стачки, возникшая в рабочей среде и принятая так враждебно социальдемократией всех стран, встретила, наоборот, полное сочувствие среди анархистов. Движение в Чикаго в 1886 году, о котором мы уже говорили выше, было одним из первых ее проявлений. Несколько позже в 1887 году происходили грандиозные стачки углекопов в Бельгии. В целом ряде статей „La Révolte“ высказывает взгляд анархистов на эти события. Как наши недавние русские стачки, бельгийская стачка имела политический характер: она была начата во имя республики и всеобщего избирательного права. Анархисты однако далеко не отстраняются от движения; наоборот, они принимают в нем самое горячее участие, сея везде, где возможно, мысль, что передовые рабочие должны были бы, вместо того, чтобы кричать: „Да здравствует республика! да

здравствует всеобщее избирательное право!", перейти к экспроприации копей и увлечь таким образом за собою умеренную, обуржуазившуюся часть рабочих организаций [1]). Всеобщую стачку, как средство борьбы, анархисты признают *своим* средством, и радуются, что, не смотря на все противодействие социальдемократической рабочей партии, считающей ее возможной только при наличности миллионных капиталов (слова Гэда), масса идет именно к этому приему рабочей борьбы. Вместе с тем наши товарищи настаивают на том, что всеобщая стачка, чтобы принести какие бы то ни было плоды, должна быть не мирной, а революционной. „Она не будет, пишет по этому же поводу „La Révolte" [2]), „войной со сложенными руками. Она будет общим восстанием. Народ понимает, с чего должна начаться революция". Но, чтобы стачка была успешной, нужно еще одно условие: она должна начаться самопроизвольно, естественно возникнуть из разросшегося движения, а не быть декретированной какою нибудь центральною организациею [3]). Вместе с тем, вовсе не нужно ожидать стачки всеобщей в буквальном смысле: для приостановки экономической жизни достаточно, чтобы забастовали 3—4 важные отрасли производства.

Немногочисленны были в то время при-

---

1) „La Révolte", год 9-й, № 9-й.

2) Год 9-й, № 8-й.

3) См. полемику по этому вопросу с Де-Папом и Анзеле, „La Révolte", год 9, № 18.

верженцы идеи всеобщей стачки, но сама жизнь подсказывала такое решение вопроса и пробивала этой идее дорогу. Здесь не место обрисовывать историю ее развития. Напомним только в двух словах, что в 1888-м году вопрос был впервые поставлен на с'езде профессиональных организаций во Франции; он обсуждался вновь на конгрессах последующих годов, и наконец, в 1894 году, на конгрессе в Нанте, сторонники всеобщей стачки одержали решительную победу: всеобщая стачка стала с того времени главною руководящею идеею французского рабочего движения, в последующие годы разработавшего и развившего ее.

Не анархисты, конечно, изобрели и ввели этот прием борьбы, уже предлагавшийся в Интернационале (они никогда и не претендовали на это); но они оказались верными выразителями рабочего настроения, верными указателями пути, наиболее подходящего для рабочего движения. Нельзя не отметить, что в этом вопросе они стояли очень ясно впереди движения: их понимание всеобщей стачки было с самого начала тем самым, к какому пришли рабочие массы в своих организациях постепенною выработкою и выяснением идей—в теории и на практике. Понятие современного революционного синдикализма о всеобщей стачке есть то понятие, которое составили себе наши товарищи еще в самом начале движения.

Международный социалистический конг-

ресс 1889 года происходил с участием анархистов, которые явились на нем единственными защитниками всеобщей стачки, единодушно отвергнутой социальдемократией. Именно как подготовление ее, поняли они и решение о первомайских демонстрациях, заимствованное конгрессом у американских рабочих движений предыдущих годов. Многое, казалось, должно было отталкивать наших товарищей от этого движения: поставленное требование (8-ми часовой рабочий день) было чисто-реформаторским по существу, да и проводить его предлагалось, главным образом, посредством делегаций и ходатайств к парламентам. Верное революционное чутье, однако, подсказало анархистам, что сторониться от движения было бы непростительной ошибкой с их стороны. Наша личная инициатива, писал „La Révolte“ по поводу первой демонстрации 1-го мая в 1890 году, должна прилагаться к массовой борьбе; наше дело—быть „там, где собираются массы и в тот самый момент, когда они собираются!“ Значение 1-го мая, говорят наши товарищи, не в том, что составляет его внешний лозунг: не в 8-ми часовом рабочем дне, а в идее всеобщей забастовки в этот день, доказывающей возможность ее, и в виду более широких целей. Демонстрация 1-го мая приучает рабочих к прямому, революционному способу действий.

Вот почему анархисты повсюду принимали в первомайских демонстрациях горячее участие; в Париже, группа анархистов была единственной, устроившей в этот день революционную уличную демонстрацию с красным

знаменем, в то время как социальдемократия торжественно отправляла депутацию в Палату[1]).

Этой же тактике оставались верны анархисты и в последующие годы, когда возмущались вырождением первомайского движения и осмеивали патриархальные воскресные прогулки, в которые оппортюнисты социализма обратили революционные рабочие манифестации. И движение, действительно, глохло и теряло постепенно всякий смысл, пока, наконец,—в самые последние годы—его не взяли наконец в свои руки революционно-настроенные рабочие союзы. Теперь оно начинает возвращаться к тому, чем было в глазах его инициаторов и чем всегда должно было оставаться: демонстрациею, воспитывающею рабочих к солидарному выступлению и вместе с тем показывающею буржуазии их силу.

В половине девяностых годов разочарование рабочих в парламентской тактике стало заметно обрисовываться; отсюда — начало сближения между передовою частью рабочих союзов и социалистических партий, с одной стороны, и анархистами с другой. На Цюрихском международном конгрессе 1893 года, анархисты, в своих столкновениях с социаль-

[1]) Именно во время этой демонстрации были арестованы тов. Декан, Дардар и Левелье, избиение которых в полицейском участке вызвало покушения Равашоля и положило начало террористическому периоду движения.

демократией уже встретили поддержку со стороны крайних групп других социалистических партий и некоторых представителей синдикатов. Это сейчас же показало социальдемократии, где кроется опасность для будущего, и заставило принять предохранительные меры. Известная цюрихская резолюция против анархистов была проведена именно тогда: она гласила, что всякая группа, посылающая делегата на международный конгресс, обязана подписаться под заявлением, в котором провозглашается необходимость *политической борьбы.* Чтобы неопределенность этого термина не могла быть истолкована в пользу анархистов, к решению было присоединено примечание, в котором говорилось, что под *политической* борьбой нужно понимать ни что иное как борьбу *парламентскую.* Этим решительно исключались из будущих международных „социалистических" конгрессов анархические и вообще анти-парламентарные группы.

Одновременно с общим конгрессом, анархисты и сочувствующие им группы устроили свою особую конференцию, на которой, среди других вопросов, значительное место было уделено вопросам рабочим. Говорилось о необходимости поставить экономическую борьбу над борьбой политической (речь Домелы Ньювенгейса), о всеобщей стачке, как начале социальной революции, о ежедневной экономической борьбе, революционизирующей и воспитывающей рабочую массу, о роли в этом воспитании частичных стачек и т. д. Рабочее движение нужно поддерживать все-

ми средствами, говорится в одной из резолюций конференции, тем более, что рабочие союзы призваны стать ядром социалистического общества.

Не нужно забывать, что цюрихский конгресс происходил в разгар того недлинного, но громкого периода анархического движения, когда террористические акты, вызванные правительственными преследованиями против анархистов, стояли на первом плане в их деятельности, когда террористическая борьба поглощала все лучшие силы, а акты индивидуального героизма поневоле отвлекали внимание от организационной, подготовительной работы в массах. Правда, и в это время анархическая пресса—вплоть до того момента, когда под давлением репрессий все анархические органы должны были временно закрыться—не переставала напоминать о необходимости общения с рабочей средой и постоянно обращала внимание товарищей на факты рабочего движения; но, в общем, это был период блестящих индивидуальных актов и блестящих надежд: рассчитывая на большую, чем оказалось, революционную подготовленность массы, некоторые деятели этого периода думали, что их примера будет достаточно, чтобы поднять ее; в то время, как другие продолжали работу в синдикатах, проникнутых более революционным духом. Первые ошиблись, но не нужно думать, что эпоха террора прошла бесследно. Вызвав, с одной стороны, небывалые гонения на анархистов во всех странах (повальные аресты, казни, исключительные законы, бесчисленные

преследования анархической печати), она возбудила, с другой, необычайный интерес к анархизму, как идее, во всех слоях общества. Некоторые анархические акты были особенно популярны (напр. бомба Вальяна) и привлекли к анархизму новых сторонников.

Прошло очень немного времени, и, несмотря на реакцию, анархическое движение возобновилось. Работа анархистов среди рабочих союзов (парижских плотников, Монсоле-Минских углекопов, Лионских ткачей) никогда не прекращалась, и в период терроризма девяностых годов продолжалась—в виде пропаганды, актов террора против хозяев и мелких бунтов. В то же время некоторые анархисты продолжали вести синдикальные газеты отдельных ремесл („Рубанок" и другие). Теперь наши товарищи выдвинули на первый план подготовительную деятельность среди масс, с тою целью, чтобы следующий период революционного под'ема и активных выступлений—индивидуальных, или коллективных—уже не прошел без отклика с их стороны. Вопрос об *участии* в рабочих союзах выступил на первый план.

Здесь нужно сделать одно необходимое замечание. Проповедуя с самого момента зарождения движения те идеи, которые теперь начинают получать широкое распространение под названием „синдикалистских", анархисты тем не менее старались по большей части действовать на рабочую массу, стоя вне ее профессиональных организаций. Такая тактика вполне об'яснялась консервативным характером, которым отличались в то время эти ор-

ганизации. Мало по малу, однако, их общий характер изменился, в значительной мере под влиянием таких деятелей, как Пеллутье, который с 1892 года работал в профессиональных организациях, а с 1895-го и до самой своей смерти (в 1901 году) был секретарем Федерации французских Бирж Труда. Пеллутье был человеком большого организаторского таланта и необычайной энергии; больше чем кто бы то ни было боролся он в среде рабочих союзов с влиянием социальдемократии и работал для распространения там революционных и анархических идей.

Мало по малу новый дух проникал в рабочие синдикаты. Возможность совместного действия между ними и анархистами обнаружилась особенно ясно на лондонском конгрессе 1896 года. Цюрихская резолюция делала невозможным участие в нем анархических групп, но социальдемократии не удалось все таки избавиться от присутствия анархистов: наиболее видные деятели нашего движения—Грав, Малатеста, Луиза Мишель, Черкезов и значительное число других, менее известных, - явились на конгресс, посланные туда *рабочими организациями*, главным образом французскими.

Они получили от синдикатов совершенно определенные полномочия — полномочия, которые по всем существенным вопросам оказались в полном согласии с личными убеждениями делегатов. Это одно уже показывает, как далеко ушли в то время многие рабочие союзы от былой косности и политиканства. К сожалению, этот шаг вперед был

сделан, из крупных стран (кроме Испании— где рабочие союзы с 1872 года шли вместе с анархистам) в одной лишь Франции; в Германии — игравшей на конгрессе решающую роль—безраздельно господствовала социаль-демократия. Под влиянием последней была принята еще одна резолюция, положившая конец участию анархистов в международных конгрессах: было решено, что впредь резолюция об *обязательности парламентской борьбы* будет приложима не только к партийным группам, но и к рабочим синдикатам, которые цюрихская резолюция оставляла в этом отношении свободными. Протест против такого насилия над свободой мнений, против такого преобладания парламентаризма над социализмом, об'единил на конгрессе анархистов и рабочие организации, а также и те социалистические фракции, которые находились (как напр. аллеманисты того времени во Франции) под сильным влиянием рабочих союзов.—Попутно, в дебатах, были выяснены многие недоразумения; отношения доверия и солидарности между анархистами и профессиональными союзами упрочились.

Со времени лондонского конгресса, распространение революционных идей среди рабочих союзов быстро идет вперед; вместе с тем, наши товарищи все настойчивее подымают вопрос о вступлении в синдикаты. За него высказываются, главным образом, более молодые товарищи, сблизившиеся с членами синдикатов по поводу лондонского конгресса и убедившиеся в их восприимчивости по отношению к анархическим идеям, Про-

тив него возражают деятели предыдущих годов, более старые, помнящие былую враждебность синдикатов ко всякой революционной тенденции. Но пример некоторых инициаторов (особенно Пеллутье) и поддержка, оказанная в Лондоне анархистам рабочими организациями, оказывали свое действие. Многие, наиболее энергичные деятели нашего движения (напр. Пуже) решительно вступили на этот путь и быстро стали приобретать влияние в синдикалистской среде. Опыт проникновения туда оказался удачным; скоро в руках наших товарищей был орган французской Всеобщей Конфедерации Труда, газета „Voix du Peuple“ (Голос Народа).

Число тех, кого называли „анархистами синдикалистами“, быстро увеличилось, и в настоящее время почти все наши товарищи во Франции принимают живое участие в синдикальном движении. Всем известно, как усилилось оно за последние годы и как оно теперь начинает перекидываться из Франции в другие страны, революционизируя даже германских рабочих. Революционный характер этого движения—в значительной степени результат деятельности анархистов. Конечно, его еще нельзя назвать анархическим, но оно уже восприняло главные взгляды анархистов на приемы и тактику рабочей борьбы, и мы, по справедливости, можем радоваться его успехам.

Здесь не место характеризовать современный революционный синдикализм, с его различными течениями и оттенками. Отчасти

это было сделано в начале этого очерка; кроме того, русская публика могла в последнее время познакомиться со многими произведениями синдикалистской печати. Наша цель была, главным образом, показать преемственность идей этого направления в истории социалистического движения и их логическую связь с тем течением в социализме, к которому мы принадлежим, — с социализмом свободным, антигосударственным. Никакие полемические уловки, никакая игра слов, вроде того, что синдикализм не *анти*-парламентарен, а *а*-парламентарен, т. е. *не против* парламентской деятельности, а игнорирует ее, здесь не помогут.

Игнорировать парламентаризм, и отказываться иметь о нем определенное мнение,— нельзя. Социальдемократия представляющая компромисс между социализмом и стремлениями буржуазии, откладывающая социальный переворот на будущие века, а пока желающая разделить власть в буржуазном государстве с буржуазиею,—может считать парламентскую деятельность полезным средством борьбы. Но синдикалист, желающий уничтожения наемного труда и стремящийся достигнуть своей цели прямою борьбою с капитализмом, не может не считать парламентаризма, бесплодным отвлечением от действительно плодотворного дела — и тогда он не может не относиться к нему враждебно, видя его деморализирующее влияние на массу, связанное с ним исчезновение революционного духа в социалистических партиях и общее понижение самодеятельности в народе.

Путь революционный и путь легальный, парламентский, взаимно исключают друг друга. Между всеобщей стачкой, переходящей в прямую экспроприацию, и захватом политической власти с целью декретирования мер социалистического характера, приходится выбирать. И этой альтернативы не замаскировать никаким переименованием „всеобщей" стачки в „Массовую", никаким низведением ее на степень орудия достижения частичных политических или экономических уступок.

Через политическую революцию к экономической — такова была с самого начала, и таковой остается до сих пор программа социальдемократии. *Прямо к социальной революции, ко всеобщей экспроприации, к коммунизму*—таков лозунг анархизма. Середины быть не может, и всякая партия, всякое общественное течение, раз ставши на тот или иной путь, должны идти до конца. Могут быть отклонения, могут быт уступки, но так или иначе все социалистические направления группируются вокруг того или другого из этих противуположных полюсов социалистической мысли.

Революционный синдикализм не только вступил на путь, ведущий к анархическому полюсу, но и подвинулся довольно далеко вперед. Этому обязан он всеми своими идейными и практическими завоеваниями. Чтобы сохранить их и развиваться дальше, он должен идти до конца; цельно и последовательно принять анархическое воззрение, как свою руководящую идею.

Борьба с Капиталом и Властью.

Анархический коммунизм есть синтез двух целей преследовавшихся человечеством во все времена — свободы экономической и свободы политической.

П. Кропоткин.
(Хлеб и Воля).

Одним из самых больных вопросов русского революционного движения издавна было отношение между борьбою за политическое освобождение н борьбою за социализм. Исторические условия сложились в России так, что социалистам пришлось взять на себя двойную задачу — задачу, которая в передовых странах Западной Европы решалась в две различные эпохи и под влиянием различных идейных течений. Борьба с самодержавным политическим строем, в виду полного отсутствия у нас борющихся либеральных или республиканских партий, легла всею своею тяжестью на социалистов, наряду с их собственною борьбою во имя экономического освобождения.

Первые действующие социалисты — народники-пропагандисты 70-х годов — еще не видели всей трудности этого положения и не смущались им. Для них дело было просто:

они работали над близким, казалось тогда, народным восстанием, которое должно было порешить со всем существующим строем в его целом, с экономическим гнетом и государственным порабощением; для них не могло быть, поэтому, и речи о какой бы то ни было отдельной политической борьбе. Народники — как и социалисты 60-х годов, как и западно-европейские социалисты соответственной эпохи — не разделяли момента политического от момента социального, и в этом, а вовсе не в исключительном „экономизме“ и индифферентном отношении к политике (как у нас думают многие) лежит отличительная черта этого направления.

„Экономизмом“ страдали позднейшие социальдемократы; им страдают их идейные наследники (хотя и впавшие в ересь) — махаевцы; что же касается народников, то стоит просмотреть любую из их брошюр, чтобы увидать, что политический вопрос ими далеко не замалчивается: он только не выделяется из общего вопроса об освобождении народа. Их взгляды свободны от тех компромиссов, от которых в наше время потускнела социалистическая идея; нет здесь ни социалистического государства, ни захвата власти: все должно быть совершено прямым действием народа, „снизу вверх“, а формою общественной организации будущего явится „союз независимых производительных общин“ [1]). Здесь нет ни парламентаризма, ни

---

[1]) Из речи Мышкина на процессе 193-х. Но выражение того же самого взгляда можно найти во всех произведениях народников.

программ-минимум, одним словом — никакой формы примирения с врагом.

Практическая деятельность народников очень скоро поставила их лицом к лицу с правительственною властью, ответившею на их пропаганду жестокими преследованиями. Оказалось, что с этим врагом нужно бороться сейчас же, непосредственно, раньше чем какое бы то ни было народное восстание успеет вспыхнуть. Необходимость этой борьбы, а также потребность сплотиться в более тесную организацию привела, как известно, к образованию общества „Земля и Воля“. Его принципиальные основания были те же, что в первых пропагандистских кружках: как и народники, землевольцы ставили своею задачею подготовление народного восстания с целью социалистического переворота; но, рядом с этим, они ввели в свою деятельность новый, боевой элемент. В программе „Земли и Воли“ мы находим „терроризацию правительственных чиновников, кулаков, помещиков, фабрикантов и т. п.“ „в местностях, где народное недовольство принимает особенно острый характер“, а также и террор политический, как средство борьбы против русского государства, которое, говорится в программе, является „самым беззастенчивым и самым грубым выразителем“ стремления всякой формы государственной организации поддерживать интересы эксплоатирующего меньшинства. В виду этого, рядом с пропагандистскими группами, „Земля и Воля“ создавала особую группу, т. наз. „дезорганизаторскую“, в задачи которой входило осво-

бождение из под ареста товарищей, защита от правительственного произвола и самозащита против предателей. Но и агитация, и боевые выступления „Земли и Воли“ (Казанская демонстрация, убийство Мезенцева, ряд вооруженных сопротивлений и т. д.) были исключительно средством самозащиты и дезорганизации правительства, но не средством совершения политического переворота. Это понятие явилось только впоследствии. Конечно, очень многое в программе „Земли и Воли“ спорно и неприложимо — особенно теперь — но основная мысль этой программы: народное восстание, как цель, а попутно, по мере требований движения, вооруженная борьба с политическими и социальными угнетателями, — остается вполне верною и ценною для нас до сих пор. Борьба социалистическая и борьба политическая здесь сливаются.

Распадение на „Народную Волю“ и „Черный передел“ нарушило это единство и раскололо социально-революционную программу на две половины. „Народная Воля“ повела свою известную геройскую борьбу; но в этой борьбе она поставила себе целью захват власти и проведение социализма сверху вниз, а позднее — терроризирование правительства с целью вынудить его на конституционные уступки. „Черный передел“ намеревался сохранить в чистоте социалистическую идею; но, отрицая вооруженную борьбу, он мало по малу сошел на степень своего рода экономического реформаторства.

От него отлетел революционный дух, и он остался бессильным.

С тех пор целостная и одновременная постановка вопросов экономического и политического уже не возвращалась к нашим партиям. Социальдемократия, зародившаяся и приобревшая влияние в момент реакции, когда единственная революционная партия — „Народная Воля“ — была разбита, не только не упрочила русское движение на социалистической почве, но сделала все, чтобы поставить перед ним, как непосредственную цель, один только политический переворот. Фаталистическое представление о неизбежных фазисах развития, выведенное даже не из настоящего, а из какого то упрощенного псевдо-марксизма, естественно привело к тому, что воцарение буржуазии с ее политическою формою — парламентским строем — стало казаться единственным предвидимым булущим. И мало по малу дело дошло до того, что во время революции в России наши социальдемократы стали об‘являть „сознательным или бессознательным провокатором“ всякого, кто осмелится заглянуть дальше простого конституционализма.

Понятие о разделении деятельности социалистов на два периода: сначала завоевание политической свободы, затем (уже в рамках конституционного государства и при посредстве его органов) борьба за социализм— понятие чисто социальдемократического происхождения, родившееся вместе с первою программою-минимум. Но оно проникло далеко за пределы социальдемократии: оно

вошло, например, неотъемлемым элементом в программу наших социалистов-революционеров, по своим теоретическим предпосылкам, казалось бы, совершенно не склонным к такого рода поссибилизму[1]). Оно проникло даже к максималистам, с их „трудовою республикою". Конституционализм окончательно свил себе прочное гнездо в программах наших партий; не удивительно, поэтому, что, поскольку этим партиям удавалось руководить русским движением, оно вдохновлялось исключительно политическими лозунгами.

Единственное же идейное течение, которое должно было остаться и осталось вне этого всеобщего конституционализма—течение анархическое — было до сих пор еще слишком слабо в России.

I.

Та идейная последовательность, которая с самого момента зарождения анархического движения—с эпохи Интернационала и деятельности Бакунина—заставляет анархистов всеми силами противиться разделению во времени политического и экономического освобождения, создает для них в России очень трудную принципиальную и практическую задачу выработать свое отношение к происходящей

---

[1]) Поссибилистами („возможниками") называлась во Франции партия самых умеренных социальдемократов, для которых даже Гед (Guesde) считался крайним.

борьбе с точки зрения совершенно обратной той, на которой стоят наши руководящие социалистические партии. Насколько трудна эта задача, и каким больным местом она является для нашего движения, — это знают все товарищи, действовавшие в России в революционное время. Отношение к политическим лозунгам и манифестациям, террор экономический и террор политический, „центральный“, или „разлитой“,—как вопросы практические; отношение к завоеванию демократического строя, как вопрос теоретический — все это служило и до сих пор служит предметом горячих споров между анархистами и представителями других партий, а также и в самой анархической среде. Вот эти-то вопросы мы и хотим по возможности осветить здесь. Обстоятельно разработать и обсудить их все—задача слишком широкая для небольшой брошюры, да, пожалуй, и неисполнимая: практические вопросы решаются на местах, в зависимости от момента, и всякая распланировка заранее и издали всегда выходит неудачною. Решить раз навсегда все практические вопросы, какие только могут представиться, нельзя, — но что возможно и что обязательно, это—выработать такие общие начала, которые бы всякий раз безошибочно подсказывали *частное* решение. Речь здесь будет именно только о таких общих началах.

В практике русского движения непосредственное революционное чутье всегда подсказывало нашим товарищам верное жизненное решение: идти и участвовать в борьбе, раз происходит борьба. Но этого жизненного ре-

шения недостаточно: важно, с какими целями и надеждами идет человек в борьбу. А здесь мы вряд ли ошибемся, если скажем, что, в общем, психология борцов за анархические идеи в России была проникнута пессимизмом: на них сильно отразилось общее убеждение в недостижимости для России в ближайшем будущем какого бы то ни было переворота социалистического характера. В их душе жило раздвоение: им казалось, что они приносят свою жизнь в жертву чужому идеалу, работают для будущего, которое для них самих не имеет никакого обаяния—для воцарения у нас „правового порядка".

Можно разно смотреть на отсутствие веры в успех того движения, в котором принимаешь участие. Существует даже мнение (с ним случается встречаться и среди наших товарищей), что отсутствие всяких иллюзий на этот счет — даже полезно, что в этом — своего рода трезвый реализм, предохраняющий от возможности разочарования и упадка духа в случае неуспеха. И отсутствие у анархистов в России веры в возможность сделать что-нибудь для практического осуществления своих идеалов некоторые товарищи считают залогом твердого отношения к возможным неудачам в будущем.

Мы думаем иначе, и спасительное средство от разочарований видим не в этом. Без веры в то, что служишь проведению в жизнь своего идеала, можно геройски отдать свою жизнь, но нельзя создать ничего прочного для будущего. Дело, конечно, не в наивной, некритической вере, в то, что вот-вот мы уви-

дим осуществленным анархический строй, а дело в том основном принципе великой общественной деятельности, что всякая поставленная цель достижима в той мере, в какой люди верят в ее достижимость и затрачивают на это свою энергию.

Наше понимание хода общественных движений—совершенно иное, чем у тех партий, которые делят свои задачи на ближайшие и отдаленные, и естественным образом направляют всю свою деятельность исключительно на первые. Для них всегда существует, с одной стороны, конечный идеал, в настоящую минуту недостижимый по общей неподготовленности страны, народа или класса, с другой—ряд ближайших целей, составляющих ряд этапных пунктов по пути к этому идеалу. Осуществление этих ближайших задач и само по себе, кроме того, приносит известное улучшение, а потому, говорят нам, будем бороться за каждую из поставленных одна за другою целей в отдельности, поднимаясь таким образом, как по ступенькам, к тому идеалу, который стоит на вершине лестницы.

Таков обычный ход рассуждений составителей программ наших политических партий; у них не возникает никаких сомнений в правильности его. Многолетнее умственное влияние социальдемократии не прошло в России даром; оно оставило настолько укоренившиеся привычки мысли, что их не чужды даже самые непримиримые идейные противники социальдемократии—анархисты. Большинство наших товарищей рассуждает приблизительно так же: анархический строй в России сейчас

недостижим: ближайшее, к чему можно стремиться, это — демократизация политического режима, и только она осуществима на практике. Для нас же остается, или устраниться совсем, жалея о том, что мы родились слишком рано, или, повинуясь жизненному чутью, броситься в борьбу за чужое дело.

В основе всех этих рассуждений лежит несколько ложных по существу понятий, кажущихся однако, по некоторой особой привычке мысли, неприложными истинами.

Возьмем прежде всего „достижимость“ и „недостижимость“ того или другого идеала. Она представляется всегда чем-то абсолютным, чем-то управляемым чуть ли не космическими силами и законами; забывается, что понятия эти—чисто относительные, временные, зависящие исключительно от нашей оценки момента. А как трудна эта оценка, видно хотя бы из того, как жестоко всегда ошибались на этот счет все наши партии. Если движение в России повсюду заставало их врасплох, то именно потому, что они судили о „достижимости“ на основании опыта, приобретенного ими в иное, мирное время, а этот опыт оказывался совершенно непригодным в момент революционный. В такой момент все становится вдруг достижимым; но вот революция подавлена, наступает время упадка—и то, что совсем, было, стало реальною действительностью, опять превращается в мечту. Что же? была-ли в поставленной цели какая-нибудь особенная, внутренняя „недостижимость“? Сто-

ронники исторического фатализма, фанатики „об‘ективных условий“ скажут, что очевидно то, что не было достигнуто, и не могло быть достигнуто; но это — слишком легкий и удобный способ судить о своевременности тех или иных запросов на основании успеха или неуспеха. Такая точка зрения совершенно запрещает какие бы то ни было программы и планы на будущее, пока за ними не обеспечен успех наверняка. А когда-же это бывает? Сколько у нас злоупотребляли и злоупотребляют „об‘ективными условиями“, необходимыми для появления социализма! А между тем непредубежденному глазу сразу видна недостаточность, по крайней мере, тех об‘ективных условий, на которые указывают марксисты: страна наибольшего развития капитализма — Америка — стоит позади почти всех европейских стран в смысле социалистического движения; быстрый рост капитализма в Германии втечение последних десятилетий и сравнительный застой его во Франции не помешал измельчанию немецкого социализма и созданию, наоборот, во Франции революционного синдикализма, т. е. самого передового и самого развитого в социалистическом направлении рабочего движения, какое только мы знаем в наше время. Очевидно, помимо классических „об‘ективных условий“ марксизма существуют другие условия, еще более важные, коренящиеся в прошлом данной страны и созданной этим прошлым народной психологии.

Всякие рассуждения о том, к чему „готов“ и к чему „не готов“ народ бывают

всегда ложны — все равно в пессимистическом или в оптимистическом направлении. У нас нет никакой возможности учесть все факторы, из которых состоит подготовленность данной среды. Да и что называть подготовленнностью? Будем ли мы считать, что готовы к осуществлению социалистического строя тогда, когда у нас будет социалистическое большинство? Но это большинство совершенно немыслимо составить при существующих общественных условиях, и мы все хорошо знаем это. Если бы возможно было достигнуть коренного изменения понятий, чувств, привычек, всего воспитания массы путем одной только пропаганды, то к чему была бы насильственная революция, с ее множеством страданий? Ведь не даром столько выстрадано культурниками, пришедшими к революционным путям деятельности: горьким опытом убедились они в том, что воспитать людей будущего в недрах настоящего — невозможно (во сколько-нибудь широких размерах, конечно). Все толки о распространении социализма среди громадных масс, все эти миллионы социалистических избирателей Германии, поневоле возбуждают в нас недоверие. И действительно, стоит только присмотреться ближе к положению вещей в Германии, чтобы увидать, что все это — голоса вовсе не социалистов, а просто недовольных, желающих тех или иных реформ, но нисколько не задающихся целями коренного общественного преобразования. А так как в Германии социальдемократия — единственная оппозиционная партия, то все эти

оппозиционные голоса естественно направляются к ней. А у нас? Разве все те, кто поддерживал борьбу, начатую социалистами, разделяли социалистические убеждения? Очевидно нет, но социалисты одни боролись, и за ними шли все недовольные элементы, каждый со своими особыми желаниями и требованиями.

Одно из самых обычных возражений, которые делаются анархистам, это — следующее: „Анархизм — прекрасная вещь, но для осуществления его в жизни требуются иные люди, более высокого нравственного уровня, чем окружающие нас". Но, спросим мы, откуда возьмутся эти люди? Ведь не существующий же общественный строй с его развращающим влиянием, которого отрицать не может никто, поднимет нравственный уровень человечества? Мы слишком ясно видим громадное влияние общественной среды на человека и слишком много надежд возлагаем в будущем именно на преобразование среды, чтобы питать такие иллюзии. Нет, мы знаем, что анархистов создаст только анархистический строй. Получается таким образом какое-то парадоксальное положение, какой-то заколдованный круг. Где же выход из него? — Выход подсказывается не логическим построением, более или менее убедительным, а самою жизнью, опытом прошлого.

Как происходили всегда освободительные движения? Борьба против существующего порядка вещей, как и всякая новая идея — идея будущего — возникает сначала среди

меньшинства, в силу тех или иных условий поставленного так, что оно сильнее остальной массы чувствует и угнетение, и надежду избавиться от него. Условия слишком тяжело гнетут массы, чтобы многие могли сразу освободиться от духовного порабощения и начать борьбу. Но революционное меньшинство начинает ее на свой страх и риск, не заботясь о том, следуют-ли за ним остальные. И понемногу за ним начинают следовать; это сказывается, если не на фактах, то в незаметном перерождении умов. Страх и забитость ослабевают при виде бесстрашной борьбы наиболее решительных; растет дух протеста, увеличивается и число борящихся. За что борется передовое меньшинство — еще не совсем понятно, но против чего оно борется — это видно всем. А против того же самого готовы бороться, хотя с разными лозунгами и с разными степенями непримиримости, очень многие. Какое-нибудь событие, иногда ничтожное, какой-нибудь выдающийся акт произвола и несправедливости, дает толчек и происходит взрыв. Наступает революционное время, богатое опытом, период напряженнейшей общественной и умственной жизни; общественное развитие идет гигантскими шагами. Ростет мысль революционеров — и инициативного меньшинства, и массы; между ними теперь уже нет прежней пропасти.

В результате революционного под'ема — все равно, будет ли революция торжествовать или она будет подавлена — общий уровень понятий в массе оказывается повышен-

ным. Он теперь — нечто среднее между тем, чем он был раньше, и тем, что было прежде достоянием одного только передового меньшинства. Идеал этого меньшинства еще не осуществлен, но то, что осуществлено (на практике, если революция удачна, в умах только, если она подавлена) есть нечто приближающееся к этому идеалу, и при том приближающееся тем больше, чем упорнее, непримиримее и последовательнее проводило свои убеждения это меньшинство. Осуществляется часть требований, выставлявшихся в наиболее широких программах; осуществление другой части остается в наследство следующему поколению и становится лозунгом новой эры, которую открыла революция. Революция—не только завершение предшествовавшей ей эволюции: она, кроме того, отправной пункт эволюции последующей. Теперь ставятся на очередь именно те лозунги, которые в происшедшей революции не смогли еще найти себе достаточного отклика, чтобы воплотиться в жизнь.

В этих общих соображениях — ответ на поставленный выше вопрос: как быть, если анархический строй требует людей, подготовленных к его осуществлению, а такие люди не могут создаться при современных условиях? Да, сейчас анархисты—незначительное революционное меньшинство. Мало того: они сами еще далеко не люди будущего, потому что на них неизбежно отражается то, что они воспитались и живут в недрах существующего строя. Но в виду тех или иных условий, они поставили себе известный общественный идеал;

их дело, поэтому, — работать во имя его, не считаясь с тем, много-ли или мало людей окажутся способными последовать за ними. Масса, конечно, не подготовлена, но она никогда не бывает подготовлена: революционный взрыв всегда наступает раньше.

Что анархический идеал не будет осуществлен в его целом, даже если ближайшая революция в России вполне победит, это — более, чем вероятно; но чем непримиримее и упорнее будет вестись пропаганда анархических идей, и в период борьбы, и в период строительства будущего, тем прочнее войдут они в тот строй, который водворится „на другой день“ после революции, тем большее место займут они в умах масс. Если мы хотим, чтобы непосредственно после ближайшего переворота, который наступит в России, требования социализма, и притом социализма анархического, стали лозунгом не только передового меньшинства, но массы, их нужно выставить теперь же, чтобы голос анархизма раздался в революционный момент настолько громко, чтобы его было слышно в послереволюционный период; нужно, чтобы в той революции, которая произойдет теперь, были ясно и доступно выставлены анархические принципы. Они не будут осуществлены в ближайшее время, но это необходимо для того, чтобы они сделались лозунгом дальнейших завоеваний, в борьбе за прогресс в недрах нового общества. Это—необходимое условие успеха. В умы масс и в факты жизни входит, прорезываясь сквозь

старые переживания и сталкиваясь с другими направлениями, лишь известная доля выставленного цельного идеала, и чем этот идеал шире, определеннее, тем значительнее, больше и решительнее и то, что останется от него в жизни и в умах. В этом смысле журавль в небе не только для нас суб'ективно лучше, но и на практике полезнее синицы в руках.

Даже в неудавшейся, в подавленной революции те лозунги, которые были выставлены в период борьбы, не пропадают даромa остаются для следующего поколения. Все революции девятнадцатого века были неудачными; это были поражения рабочих, но такие поражения, из которых каждое составляло шаг вперед к победе. Обманувшая надежды рабочих революция 1848-го года вырыла, в июньские дни, окончательную пропасть между рабочими и республиканской буржуазией; она, кроме того, очистила социализм от его мистического, религиозного характера и связала его с реальным общественным движением. Парижская Коммуна 1871-го года, совершенно раздавленная, потопленная в крови, подорвала безусловно господствовавший до того времени культ государственной централизации и провозгласила принцип широкой автономии и федерализма. А русская революция? Несмотря на то, что она не пережила даже временного торжества, как Коммуна, несмотря на то, что по жестокости подавления ее она стоит, может быть, даже впереди Коммуны, несмотря на все это, разве можно сравнить Россию теперь с Россией десять лет тому назад? Распространяться об

этом излишне: каждый из нас может привести сколько угодно фактов, указывающих на громадную перемену.

Нет, несомненно даже самая неудачная, самая незначительная по практическим результатам революция дает все таки неизмеримо много по сравнению с обычным медленным ходом прогресса. И потому, с точки зрения борьбы за будущее, революция—всегда победа, каков бы ни был ее внешний исход. После самого жестокого поражения всегда можно сказать ее борцам, как говорится в одном старом стихотворении революционеру, попавшему в плен к врагам:

„И если спросят: чья взяла?
Скажи: моя взяла, конечно!"

II

Вычеркивая из нашего обсуждения вопросы о достижимости нашего идеала и подготовленности массы, как вопросы не только ненужные, но вредные для правильного понимания революционной деятельности, мы однако нисколько не упрощаем стоящих перед нами задач. Но только трудность их заключается совсем в ином.

Как относиться к движению, которое происходит не под преимущественным нашим влиянием а или стихийно, или под руководством других партий? Какое может быть наше участие в борьбе, которая по своей сознанной цели, по своему положительному идеалу — не наша борьба (мы говорим по-

ложительному идеалу, потому что в своей отрицательной стороне, как борьба с существующим гнетом всякая освободительная борьба — наша борьба)?

Как бы ни была на первый взгляд соблазнительна и как бы не казалась последовательна та упрощенная точка зрения, что анархист может участвовать только в движении проникнутом анархическими идеями, она на практике привела бы к полному бессилию и даже хуже: ко вреду для дела. Об этом еще можно было бы говорить если бы история шла так, что все общественное движение могло бы создаваться одними анархистами и все недовольство, существующее в народе, находило бы себе выход в анархическом направлении, так что в конце концов само собою вылилось бы в революции безгосударственного и коммунистического характера. Но дело в том, что рядом с анархистами работают и другие партии, а больше всего работает стихийное недовольство, которое приводит в конце концов к стихийным же взрывам, еще далеко не проникнутым анархическими идеалами.

Мало того: можно сказать наверняка, что даже та революция, которая даст победу этим идеалам, начнется под лозунгами гораздо менее широкими и дойдет до анархизма только в своем развитии. Ведь все революции в истории начались с движений сравнительно незначительных и идейао сравнительно бедных: Великая Французскя Революция не мечтала в начале ни о полном уничтожении феодального строя, ни о

свержении королевской власти, не говоря уже о более крайних социальных запросах, выдвинутых ее меньшинством впоследствии, в процессе ее развития. Парижская Коммуна 1871-го года была вначале взрывом патриотического негодования и больше всего актом самообороны от реакционных попыток правительства. Впрочем, приводить исторические примеры даже излишне: они у всех в памяти. Общественные движения имеют свои внутренние законы развития — и это верно не только для революций, но и для гораздо более мелких явлений. Вспомним, как неудачны всегда бывали всякие попытки вызвать крупное движение определенного характера к определенному моменту; вспомним что только те забастовки, например, которые, возникали стихийно и шли постепенно расширяясь, доходили до действительно грозных размеров; всякий же раз, когда руководители пытались предписать их, они терпели неудачу. Точно также и революцию никогда не удастся *сделать* по определенному плану и в желательный момент: она разразится в результате *непредвидимых* мелких событий; революционерам-же остается пока только учиться, как подготовиться к ней, чтобы не быть застигнутыми врасплох, как это бывало до сих пор, несмотря на самые выработанные программы.

Наблюдая общественную жизнь той или иной страны, можно приблизительно предвидеть, какой характер будет носить в ней ближайший революционный взрыв. Во Франции например, он, судя по всему, явится ре-

зультатом какого нибудь обострившегося стачечного конфликта; вся современная синдикалистская борьба ведет к этому. В Германии таким поводом может послужить какая нибудь особенно резкая реакционная попытка со стороны императорской власти. В России у нас есть полное основание думать, что движение выйдет, или из широко распространившихся крестьянских восстаний, или из каких-нибудь рабочих движений, вероятно с политическими лозунгами; во всяком случае, оно сейчас же примет характер политически-освободительный. С ним-то нам и придется считаться.

Здесь многие наши товарищи ставят такой вопрос. Принимая участие в борьбе с существующим политическим строем, мы косвенно служим установлению у нас того самого правового порядка, все недостатки которого мы сами показываем в своей пропаганде; какой же смысл имеет наше участие в такой борьбе? и не есть ли это участие измена основному нашему принципу, что мы работаем не для политического, а для экономического переворота?

Эта, повидимому последовательная, постановка вопроса, в сущности грешит непродуманностью; мало того: она идет в разрез именно с основными принципами анархизма.

Да, мы работаем для экономического переворота, но для нас этот переворот должен сопровождаться и самым крупным по-

литическим переворотом, какой только знала история: уничтожением самой государственности. Переворот политический и переворот экономический всегда были, и не могут не быть, в глазах анархистов неразрывно связаны друг с другом. Именно так ставили вопрос социалисты Интернационала до того момента, когда, под влиянием Маркса, в нем обрисовалось социальдемократическое крыло. Тогда-же, создавшаяся в 1869 году немецкая партия выдвинула впервые программу-минимум; в нее вошли требования составлявшие раньше достояние буржуазных радикалов (прямое законодательство, всеобщая подача голосов и проч. и проч.), и политическое освобождение было поставлено предварительным условием экономического. Точно также, позднее создалось и уклонение в обратную сторону: раз'единение двух задач, вплоть до примирения с „социальною монархиею", т. е. такою монархическою властью, которая согласилась бы пойти на встречу некоторым требованиям рабочих (громким примером может послужить недавнее примирение с итальянским королем бывшего социалистического депутата Энрико Ферри).

Анархисты, никогда не шедшие на компромиссы ни с какою властью, ни демократическою, ни монархическою, сохраняют в этом отношении старую позицию, и теперь, больше чем через сорок лет, могут повторить слова Бакунина: „Социальная революция нисколько не исключает революции политической. Напротив, она необходимо предполагает ее, но она придает ей совершенно но-

вый характер — характер действительного освобождения народа от государственного ига. Почти все политические учреждения и вся политическая власть были созданы, в сущности, исключительно для защиты и охранения экономических привилегий имущих и эксплоатирующих классов против возмущений пролетариата: ясно поэтому, что социальная революция должна будет разрушить эти учреждения и эту власть не раньше и не позже, а одновременно с тем, как она занесет свою смелую руку на экономические основы народного порабощения. Революция социальная и революция политическая будут в действительности неотделимы одна от другой, да так оно и должно быть, потому что первая без второй — невозможность, бессмыслица, а вторая без первой — надувательство. Политическая революция, одновременная с революциею социальною, неотделимая от нее и служащая, так сказать, ее отрицательным выражением, будет не изменением, а грандиозной ликвидацией государства и коренным уничтожением всех политических и юридических учреждений, имеющих целью порабощение народного труда и его эксплоатацию привилегированными классами“ [1]).

Можно сказать, что анархисты — наибольшие „политики“ из всех социалистов, потому что они наименее склонны к „экономизму“,

---

[1]) Из отрывка, написанного по французски и изданного недавно в т. IV собрания сочинений Бакунина под заглавием: „Рукопись в 114 стр., составленная в Марсели“ (Manuscript de 114 pages rédigé à Marseille), стр. 197—198.

наименее способны мириться с политическим гнетом, даже если мы представим себе его в обществе экономически преобразованном. Для нас свобода личности и автономия группы — не менее дорога, чем экономическая обеспеченность: потому-то мы и отказываемся от коллективизма с его вознаграждением пропорционально труду, хотя бы и достаточным, и миримся только на единственно свободном экономическом принципе, на принципе коммунистическом: „каждому по его потребностям, от каждого по его силам". Потому то мы и протестуем заранее против гнета социальдемократического государства, несмотря на то, что экономическое освобождение оно, если и не целиком, то в значительной мере все-таки принесло-бы. Мы больше, чем кто бы то ни было помним, что „не о хлебе едином жив будет человек", и если и хотим хлеба прежде всего, то потому, что знаем, что без этого первого условия не осуществимо и все остальное. Но и этим остальным мы не поступимся, тем более, что, знаем заранее, что на одном только экономическом благосостоянии при государственном и духовном порабощении, какое сулит нам социальдемократический строй (если даже мы допустим, что такая комбинация исторически осуществима), человечество все равно не помирится, и ту противо-государственную борьбу, которую оно, во имя интересов чистой экономики, откажется вести сегодня, ему придется все равно вести завтра, после той, очень неполной, победы, которую оно себе готовит.

Все это с такою очевидностью вытекает из основных принципов анархизма, что, пожалуй, и напоминать об этом было бы излишне, если бы для анархической пропаганды, возродившейся в России после 30-летнего промежутка, не создалось очень своеобразное положение. А создалось оно благодаря, главным образом, тому, что анархисты явились тогда, когда другие, рядом действующие, партии имели за собою уже долгие годы существования. Инициаторам анархического движения пришлось, поэтому, столкнуться прежде всего не с незатронутой массой, а с партийной средой социалистов-революционеров и социаль-демократов. Первые наши группы составились из бывших членов этих партий, т. е. произошло перемещение людей внутри партийной среды, совершенно также, как несколькими годами раньше первые создавшиеся группы социалистов-революционеров вербовали своих членов из социаль-демократов. Потребность полемики с существующими партиями, потребность как можно яснее отмежеваться от них заняла, поэтому, сразу в работе наших товарищей очень видное место — опять таки, как немного раньше потребность критики социальдемократии у соц.-революционеров. Самым существенным казалось сразу выдвинуть свою, особую, точку зрения, — так, чтобы нельзя было смешать деятельность анархистов ни с какою другою. Им точно боязно было, что если они будут действовать так, как если бы они одни вели революционную борьбу, то самой их деятельности, хотя бы и подкрепленной идейною пропагандою, бу-

дет недостаточно, чтобы сразу отличить их от других, соседних, партий. А потому у нас было очень распространено такое представление, что если другая партия делает что-нибудь, хотя бы с нашей точки зрения вполне полезное, то все таки нам этим заниматься уже не следует, потому что иначе — чем же мы будем отличаться? И, несмотря на странность такого опасения, оно было вполне об'яснимо для партии, создавшейся в России в революционный момент, когда думать об идейном обосновании и о распространении своей теоретической программы было некогда, а нужно было прямо действовать. Отсюда попытки такого вмешательства в революционную борьбу, которое само бы за себя говорило и сразу видно было бы как анархическое, без всяких об'яснений. Одним из таких, некоторым образом „символических" способов действия явился т. наз. „безмотивный" террор. Таким же результатом спешности, невозможности продумать свою программу и стремления подчеркнуть исключительно ее отличия от других, была и некоторая односторонность нашей пропаганды.

Анархисты явились с своею основною идеею непосредственного экономического переворота в партийную среду, где господствовал совершенно обратный взгляд: достижение идеалов социалистических откладывалось там на более или менее отдаленное будущее, а на очередь ставилось исключительно изменение государственного строя. Поэтому анархистам приходилось настаивать именно больше всего на экономической и социальной сто-

роне борьбы, т. е. делать то, чего не сделал вокруг них никто другой. Из своего лозунга „безгосударственный социализм“, им приходилось поневоле напирать на социализм, оставляя пока в стороне борьбу с государством, которая и так велась вокруг них — по крайней мере с государством в его наличной форме.

Но продолжаться так не может. Это приспособление к другим партиям—хотя бы в смысле постоянной оппозиции им—в сущности — признак слабости —неуверенности в своей способности сыграть самостоятельную роль. Наша пропаганда слишком легко пошла по линии наименьшего сопротивления и сосредоточилась на сравнительно нетрудной задаче: критике конституционалистических иллюзий и борьбе с идеализацией демократического строя действительно доходившей у нас до геркулесовых столбов. На этой почве пропаганда была нетрудна и всегда успешна. Наши товарищи пользовались анархическою литературою, создавшейся в Западной Европе и очень полно разработавшей вопрос о парламентаризме — вопрос самый насущный для выработки основных взглядов на социалистическую борьбу в демократических странах. Они обнаруживали, таким образом, обыкновенно гораздо лучшее знакомство с борьбою рабочих на Западе, чем их противники, чуть-ли не воображавшие себе, что всеобщее избирательное право делает рабочих господами положения.

Но критика государственного строя демократических государств, как бы справедлива

она ни была сама по себе, взятая в отдельности еще ни к чему не приводит. Демократического государства у нас еще нет; поэтому борьба с ним имеет смысл постольку поскольку она входит в общую анархическую пропаганду и поскольку рядом с отрицанием демократического государства в нашей пропаганде будет всегда выставлен и тот положительный идеал, который мы ставим на место его: безгосударственный федералистический строй, свободный союз независимых коммун. Останавливаясь-же исключительно на критической стороне, разбивая иллюзии, на которых основывается идущая вокруг нас борьба и не давая взамен их ничего другого, мы рискуем принести не пользу, а вред и вред не только делу анархической пропаганды, но и делу революции в России вообще. Мы рискуем недостаточно осторожным отношением посеять разочарование, индифферентизм, оттолкнуть от борьбы, и нужно помнить, что всякий такой случай лег бы на нас тяжелым позором.

Нужно не пассивное равнодушие к борьбе за демократизацию политического строя и тем более не враждебное отношение к этой борьбе, а нужна выработка своей, антигосударственной, программы политической борьбы, программы, которая опять таки построена была бы на неотделимости борьбы политической от борьбы экономической.

Не у нас первых возникли эти вопросы: они стояли и перед социалистами западно-европейских стран. Был момент, когда французские рабочие, отброшенные далеко от ре-

спублики июньскими днями 1848-го года, встретили без всякого сопротивления последовавший государственный переворот Наполеона III-го и водворение империи. Но эта империя поработила не только республиканскую буржуазию, ставшую рабочим ненавистною, но и самих рабочих, которые потом почувствовали ее гнет гораздо сильнее, чем буржуазия, быстро об'единившаяся с государственною властью в борьбе против общего врага —народившегося рабочего движения. Вот что писал Бакунин в 1870 году по поводу возможности индифферентного отношения парижских рабочих к победам Германии над Франциею, победам, которые могли привести к порабощению Франции под деспотическим игом прусской монархии:

„Если бы это была правда (слухи о таком индифферентном отношении) а я все надеюсь, что это—неправда, то вот что это доказывало бы. Это доказывало бы, прежде всего, что рабочие, с'узив до крайности экономический и социальный вопрос, свели его на простой вопрос исключительно материального благосостояния для самих себя, т. е. на узкую и нелепую утопию, осуществление которой совершенно невозможно. Все связано в человеческом мире, и материальное благосостояние может явиться следствием только полного и коренного преобразования, которое охватит и разрушит все существующие учреждения и прежде всего свергнет всю существующую власть, военную и гражданскую, во Франции и за-границею. Это доказывало бы, с другой стороны, что, поглощенные этою

нездоровою утопиею, рабочие Парижа и Франции потеряли всякое чутье к современности, что они перестали чувствовать и понимать что-либо вне самих себя, а потому перестали понимать и условия своего собственного освобождения; что они перестали быть живыми и сильными людьми, у которых есть сердце, ум, в которых живет страсть, гнев и любовь, и превратились в двуногих резонеров и догматиков, какими были христиане при Римской Империи. . Это показывало бы, что теоретические рассуждения и догматическое самомнение сделало рабочих слепыми и тупыми" [1]).

Этим политическим индифферентизмом, который Бакунин так боялся увидать у французских рабочих, никогда не страдали анархисты западной Европы; не страдали им и русские народники и землевольцы 70-х годов, во взглядах и программах которых безусловно господствовали анархические идеи. Доказывать это обстоятельно — излишне: и цитат из писаний анархистов, и примеров из их практики пришлось бы привести слишком много. Достаточно вспомнить всю нашу литературу, начиная с настольной книги анархистов всех стран—„Речей Бунтовщика" П. А. Кропоткина[2]) и кончая всеми органами интернациональной анархической печати, чтобы увидать, на какую принципиальную точку зрения становились всегда в этих вопросах наши товарищи; ту-же самую точку зрения проводило в Рос-

[1]) „Письма французу" („Lettres à un Français"). т. II франц. издания, стр. 255—256.

[2]) См. особенно главу „Политические права".

сии в ряде своих изданий т. наз. „хлебовольческое“ направление. Вспомним, с другой стороны, об участии анархистов во всех революционных движениях всех стран, с тех самых пор, как анархическое движение существует, т. е. втечении приблизительно сорока лет. Во всех восстаниях Италии, Испании и Португалии, во всех крупных общественных движениях других стран, в борьбе со всеми попытками националистической и монархической реакции во Франции, анархисты всегда были в первых рядах борящихся. Напомним, наконец, о всем известных громких актах политического террора анархистов. И только у нас в России, по какому-то нелепому стечению обстоятельств, а может быть и по слишком уже большой страсти к доктринерству, поднялся у товарищей вопрос о том, как относиться к окружающему освободительному движению. В России, где это движение—вопрос даже не политики, а простой борьбы с диким зверством! И когда? Когда после бесконечно долгого сна, страна, наконец, начала просыпаться и весь мир—мир не черносотенный, конечно, а мир живых людей—с надеждою смотрел на это пробуждение; когда наши товарищи— анархисты других стран — ждали от России искры, которая, может быть, зажгла бы всю Европу, а многие думали об образовании легионов на помощь русской революции. А у нас беспокоились о том, не сыграем ли мы, участвуя в освободительной борьбе, в руку либералам, и совершенно упускали из виду то громадное значение, какое происходящая борьба имела не только для

конституционалистов разного толка, но и для нас.

А между тем стоит только минуту подумать над нашим основным принципом, чтобы понять нашу роль в этой борьбе. „Антигосударственность“ анархистов предполагает, что они борятся с каждою наличною формою государства, вплоть до уничтожения всех форм его. Ведь „государства“ отвлеченного, которое воплощало бы чистую идею государственности и не было бы ни монархиею, ни республикою, и никакою другою из известных форм правления — такого государства не бывает, а потому нам приходится всегда встречаться с какою нибудь конкретною формою его, с тем или иным политическим строем. С этою конкретною—определенною, существующею формою и приходится бороться, совершенно независимо от того, что у других участников освободительного движения, эта борьба предполагает стремление к какому-нибудь иному строю. И чем сильнее давит данная государственная форма, тем больше сил должно затрачиваться и на борьбу с нею. В России государственный гнет достигает максимума того, что мы можем себе представить в настоящее время; так неужели же анархисты будут относиться пренебрежительно к борьбе с ним, когда наши западно-европейские товарищи не мирятся даже с смягченным гнетом республик?

Государственное порабощение держится как и всякое порабощение, на привычке под-

чиняться ему, на приспособлении к нему, и для того, чтобы люди дошли до такого состояния, когда *всякий* гнет станет для них невыносимым, в какие бы демократические одежды он не облекался, в них должно воспитаться такое чувство независимости, такая привычка к сопротивлению и борьбе, которая сама по себе и без всякого упражнения не может родиться в рабских подданных российского государства.

Только в борьбе со *всеми наличными* формами государственного угнетения можно придти к тому, чтобы сделать невозможным, в момент социальной революции, установление той формы его, которую мы можем предвидеть из программ социалистов-государственников. Иначе анархическое воспитание масс идти не может.

Из боязни сыграть в руку буржуазным либералам, наши товарищи забывают одно, гораздо более важное соображение: что, даже косвенно послужив своим участием в борьбе достижению политического идеала либералов, они послужат не только и не столько этому достижению, сколько тому, что гораздо более ценно: ослаблению рабских, верноподданнических чувств, воспитанных долгими годами гнета, выработке духа протеста и потребности индивидуальной свободы. Уменьшается этим престиж власти, прежде имевшей за собою века господства, и та власть, которая заменит собою прежнюю, традиционную, уже никогда не будет стоять так прочно. Она явится уже подорванною и не будет иметь для массы прежнего обаяния. Традиция власти вековой—той,

которая кажется непоколебимою, вечною, от Бога установленною, — во что должно быть разрушено прежде всего для установления антигосударственной оппозиции. Власть, которую, как показал опыт, можно изменять и свергать, которая есть дело рук человеческих, на глазах или на памяти современного поколения созданная, уже не так страшна; ее уже коснулась критика. А раз коснувшись традиции и предрассудка, критика раз'едает их все дальше и дальше; отсюда прямой путь к понятию о возможности обойтись без всякой власти вообще. Здесь, как и во многом другом, важен не столько фактический результат, т. е. тот политический строй, который установится на развалинах свергнутого, сколько самый факт свержения этого старого строя.

Возьмите такое демократическое государство как Францию. Самая конституция ее — всеобщая подача голосов, ответственность министров и разные другие пожелания наших политиков, во Франции давно уже осуществленные, — ничего до сих пор не дали и никогда не дадут рабочим для их освобождения; все эти учреждения находятся всецело на службе у буржуазии, родились и выросли вместе с нею и употребляются ею исключительно для охраны своего господства. Но с этими демократическими формами управления связаны, вместе с тем, известное гражданское равенство и целый ряд таких свобод, как свобода слова, печати, ассоциаций, вероисповеданий и т. д., которые когда-то буржуазия завоевала для себя в своей борьбе и кото-

рыми ей волей-неволей приходится теперь дать пользоваться и борящимся против нее рабочим. Почему же однако ей „приходится" делать это? Не из политической честности и последовательности конечно (это никогда не мешало буржуазии вводить против революционеров разного рода „исключительные законы"), а просто потому, что без известного минимума уступок, самое существование ее стало бы невозможным. Этот минимум свобод охраняется не законами демократической конституции, а историческим фактом: тем, что он завоеван в ряде революций кровью рабочих и они не позволят теперь отнять их у них.

Прошлая история, пережитая борьба создала то, что рабочих нельзя теперь поработить в той мере, в какой они были порабощены раньше. И если рабочие хотят пользоваться для своего освобождения и печатью, и собраниями, и открытыми организациями, они пользуются ими ровно настолько, насколько сами способны отстоять их. Без стоящей за „правами" и „свободами" силы прошлых революций и настоящей готовности народа к самообороне и сопротивлению, писанные конституции никакой цены не имеют. Да среди современных установившихся конституций и нет дарованных: дарованные сами очень быстро тают и все „неприкосновенности личности", в них значащиеся, исчезают, как дым.

В пылу увлечения, в спорах с теми, кто возводит „правовой порядок" чуть не в рай

земной и идиллически расписывает положение западно-европейского рабочего, нашим товарищам случается говорить, что „все равно — что Франция, что Россия: везде плохо". Действительно, везде плохо. И тем не менее нельзя закрывать глаза на очевидный факт: на громадные различия общественной жизни и общественного развития Франции, больше ста лет тому назад добившейся уничтожения самодержавной монархии „божьей милостью" и феодального порядка, и нашей России, где первая все еще царит, а крепостное право еще помнят наши отцы. Мало того: если в политическом и социальном строе России и произошли разного рода смягчения, то это зависело не только от потребностей ее экономического развития, но и от того, что в ней с начала XIX-го века создалось революционное движение во имя освободительных идей, служивших прямым отражением идейных веяний и революционных движений Западной Европы, особенно Франции. Ряд французских революций, начиная с Великой Революции, не только сделал из Франции громадную лабораторию общественной мысли, но и вызвал соответственный и неизбежный прогресс и в других странах. Нельзя отрицать наличность известной политической эволюции, нельзя ставить знак равенства между всеми формами политического гнета на том основании, что мы хотим уничтожения всякого гнета. В области экономических отношений, например, когда мы говорим, что наемный рабочий тот же раб, из этого вовсе не следует, что между рабством и наемным трудом нет никакой разницы, или

что уничтожение крепостного права не было громадным шагом вперед. Здесь даже никаких споров быть не может: стоит только спросить у самого несчастного рабочего, у самого голодающего русского крестьянина, согласен ли он снова сделаться крепостным?

Это не значит, конечно, что мы восхищаемся демократическим строем или „свободою“ современного рабочего. В какой-нибудь демократической республике наших дней люди не меньше страдают, не меньше возмущаются, не меньше борятся; но лучше уже то, что они там стали гораздо чувствительнее к притеснению, гораздо нетерпимее: для них невыносимо то, что для нас—вполне привычно. А в сущности ведь в этом и состоит прогресс. Наши потомки, может быть, субъективно не будут чувствовать себя счастливее, чем мы, но их несчастья будут иного рода. Они, может быть, будут не меньше страдать и бороться за те или иные научные, философские, эстетические, нравственные взгляды, но им будет непонятно существование человека голодного, человека, лишенного того, что для них будет казаться общим достоянием, как для нас воздух. Они будут, может быть, страстно отстаивать свою умственную и нравственную индивидуальность от давления установившихся традиций и общественного мнения, но принуждение государственное, господство грубой силы отойдет для них в область прошлого.

И в области социальной, и в области политической, сумма свободы в человечестве и потребность его в свободе увеличиваются. Ставя себе целью полное освобождение, как

экономическое (коммунизм), так и политическое (безгосударственное общество), мы идем в согласии с этою общею эволюциею. Мало того: уже тот факт, что такая задача поставлена нашим временем и что соответственное общественное мировоззрение на наших глазах все больше и больше проникает в умы,—уже одно это показывает, что осуществление нашего идеала неизбежно наступит. „Человечество ставит себе только разрешимые задачи“, потому что самая задача ставится только тогда, когда для ее разрешения уже накопились необходимые условия. Над этою мыслью Маркса[1]), от которой не отказался бы ни один из нас, так называемых утопистов, следовало бы подумать нашим трезвым социальдемократам, с такою уверенностью решающим вопросы „достижимости“, необходимых стадий и т. д.

То, что было сказано выше о значении политической освободительной борьбы, в сущности—ничто иное, как перенесение в политическую область тех принципов, которыми постоянно руководствуются в своей деятельности все анархисты, участвующие в экономической рабочей борьбе. И здесь перед нами всегда стоит определенная цель: экономическая революция, коммунистический строй; эта цель—едина и не разменивается на ряд расположенных во времени, частичных целей, ко-

---

[1]) Из предисловия к „Критике политической экономии“.

торые составляли бы программу-минимум и достигались бы одна за другою. Но мы не руководим всем рабочим движением, мы бессильны направить его все, целиком сейчас же, на революцию во имя нашего идеала. Вокруг нас рабочие борятся за свои более мелкие ежедневные требования: сокращение рабочего дня, увеличение платы, улучшение условий труда и т. д. Что же делать анархисту? Если он—рабочий, следовательно человек, сам заинтересованный в борьбе с хозяевами, а таких большинство среди наших товарищей, то вопрос ставить почти излишне, потому что его участие в борьбе—забастовке, демонстрации, бойкоте и т. д.—требует простая солидарность, помимо всяких программных соображений. Но эти проявления рабочего движения имеют для него еще и другое, гораздо более важное значение; он поддерживает их не только как солидарностью связанный товарищ, но и как работник революционного дела, даже если ему самому и не приходится по своему положению во что бы то ни стало участвовать в них. А почему? Не потому, конечно, чтобы он думал, что с 8-и часовым рабочим днем кончится капиталистическая эксплоатация, или что каждая данная стачка непременно превратится в социальную революцию. Нет, вся эта борьба, помимо связывающего всех рабочих чувства солидарности, важна для анархиста потому, что она—единственный путь к окончательному освобождению. Это—первые бунтовские проявления рабочего протеста, первые шаги к революционному изменению условий труда. Рабочий, не способный на них, тем более

не будет способен на революцию, потому что привычка к подчинению и забитость сразу не сбрасываются. В лучшем случае, он пойдет за вожаками, как орудие в чужих руках. А между тем для нас существенно важно именно, чтобы рабочие ни за кем не шли, а взяли бы сами на себя строительство будущего. Но, для этого нужно упражнение и мысли и воли, нужно то, что один из главных деятелей французского синдикалистского движения назвал (к великому ужасу не только буржуазной печати, но и социаль-демократов) „революционною гимнастикою“. Борьба рабочих за частные требования имеет именно такое, воспитательное значение; и именно *постольку, поскольку она имеет его*, она важна для нас. Важны не фактические результаты (которые бывают, большею частью, в смысле материальном ничтожны), а важно умственное отражение борьбы на самих борящихся. И роль анархистов, участвующих в этой борьбе, всегда и везде состояла и состоит в том, чтобы придать ей максимум этого воспитательного значения, стараясь ввести в нее те приемы, которые больше всего способны развивать в массах самодеятельность и дух протеста. Потому-то и симпатично нам движение революционного синдикализма, с его враждебным отношением ко всяким примирительным мерам в роде обращения к законодательной власти, посредничеству, „коллективным договорам“, и проч. и проч., и с его стремлением заменить все это прямою борьбою, захватным порядком, „непосредственным действием“.

То же самое и в области политической: и здесь, как и там, для нас важны не непосредственные результаты, не тот компромисс, на который, под напором силы, пойдут господствующие классы. Важен тот путь, которым развивается эта сила. А путь этот—один: постоянная борьба, лозунги которой подсказываются потребностями массы и суммою всех живущих в данную минуту в ней идей. Эти требования выставлены не нами; но в борьбе за них, если только она ведется прямым революционным путем, крепнет та сила, которая впоследствии выступит за наши требования, когда их выдвинет на первый план развитие самой жизни и упорные усилия наших борцов.

Доклады к Совещанию 1906-го года.

В октябре 1906-го г. несколько товарищей коммунистов-анархистов собрались в Лондоне для обсуждения разных вопросов, выдвинутых опытом тогда еще молодого анархического движения в России. На этом совещании были прочтены несколько докладов, среди которых три доклада — о политике и экономике, об организации, и о всеобщей стачке—были представлены тов. Корн.

К вопросу о политике и экономике.

Кому из нас не приходилось задумываться над „роковой задачей“ отношения теперешнего русского революционного движения к нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился над вопросом о том, каково в происходящей борьбе положение социалиста; каково, в особенности, положение анархиста? Трудный и сложный вопрос „политики“ и „экономики“ стал перед нами с самого начала нашей деятельности в России. Борьба, идущая у нас,—и экономическая, и политическая; но, если оставить в стороне крестьянство, среди которого нашим товарищам до сих пор работать почти не приходилось, то во всех остальных классах общества экономическая борьба отступает на задний план перед политической задачей свержения самодержавия.

Этой политической задаче служат даже такие по существу экономические движения, как рабочие стачки. На знамени же политического движения написаны конституция, учредительное собрание, республика и прочие лозунги, для анархиста *положительной* цены

не имеющие. Бороться с самодержавием — прекрасно; но не значит ли это бороться вместе с тем за идеал „правового государства“, идеал лишенный для нас всякого обаяния? Как выйти из этого противоречивого положения?

Вот вопрос, который всегда ставили себе наши товарищи, и не находили на него такого ответа, который удовлетворил бы их потребность последовательной мысли и их потребность в активной борьбе.

Видя, как все силы массового рабочего движения уходят на чисто-политические манифестации, как, в области экономической, самые крупные рабочие стачки не идут дальше требования ничтожных улучшений, как отодвигается на задний план социалистическая идея в деятельности крайних партий, наши товарищи прежде всего стали пытаться противодействовать такому понижению роли и размаха совершающейся революции. Но не впали ли они, по крайней мере в теории, в некоторую, противоположную, крайность, ставя *всякое* экономическое движение выше *всякого* политического? Если мы оглянемся на содержание нашей пропаганды в России, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиционное отношение к другим партияи, упустили из виду ту бесспорную, хотя, может быть, для некоторых и кажущуюся парадоксом истину, что анархисты, в сущности, — наиболее „политики“ из всех социалистов, так как для них освобождение личности от государственного ига играет на меньшую роль, чем ее освобождение от гнета экономического.

Почему мы не миримся с идеалом социальдемократического государства, которое, во всяком случае, поднять уровень *экономического* благосостояния может? Именно потому, что мы — не чистые экономисты. Повсюду в Западной Европе и Америке анархисты боролись с обеими формами угнетения: с капитализмом и государством. Рядом с революционными стачками и актами „экономического“ террора, мы находим в их деятельности такие яркие акты политического протеста, как убийство итальянского короля или испанского министра Кановаса. И никто, конечно, не скажет, что Анжиолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достижения испанской или итальянской республики. Грядущая социальная революция — в представлении именно анархистов—не будет революцией чисто экономической: она начнет с экономического акта, с экспроприации, но, вместе с частною собственностью, уничтожит и государство. Вот почему не нужно впадать в односторонность по отношению к происходящей политической революционной борьбе: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй заменился строем конституционным, а для того, чтобы рядом протестов против *наличной* государственной формы, против *наличного* гнета сделать возможным восстание против *всякого* гнета. Расширять эту борьбу до таких пределов, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока в России культу закона и легальности — дело анархистов. Ту часть этой работы, которая касалась критики

грядущего парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведут в России; но это — не самая трудная часть. Это—начало, а затем ведь нужно показать, к какой освободительной борьбе *мы* призываем, и притом призываем сейчас; какова намеченная *нами* цель и каков наш план действий по пути к ней.

Упустить это из виду, сосредоточиться только на критической стороне задачи — в высшей степени опасно: можно вызвать разочарование в поставленных целях и принятых способах борьбы, не дав взамен их новых, и вместо того чтобы поднять революционный дух, вызвать, наоборот, упадок его.

Нужно сказать, что в этом отношении работа наших товарищей в России страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится целиком продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. *Положительная* часть нашей программы для России до сих пор была разработана мало. Имеющаяся у нас литература носит почти исключительно теоретический характер и имеет целью ознакомление с основными идеями и целями анархизма. О практических путях и средствах борьбы в ней говорится, в виду этого, лишь в очень общей форме: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практических выводов из известной принципиальной точки зрения. Наши западноевропейские товарищи в этом отношении находятся в лучших условиях: современное рабочее движение вызвало (особенно во Франции и в Испании) целую литературу о всеобщей стачке, рассматриваемой как начало со-

циальной революции, и анархисты располагают для своей пропаганды целым рядом данных — брошюр, газетных статей, докладов на с‘ездах — в которых разбираются те меры, которые предстоит принять рабочим в момент когда удачное революционное движение сделает их господами положения.

Было бы в высшей степени важно, если бы наши товарищи в России подумали о выработке такого рода практических программ, в соответствии с особенностями положения и момента, и чтобы при новом взрыве массового движения они не оказались лишь участниками — может быть, более решительными, более непримиримыми — борьбы, вдохновляемой не их лозунгами, а могли бы внести в это движение и свою собственную мысль.

Мысль, что анархисты — лишь провозвестники будущего, время которого еще не пришло, апостолы далекого от осуществления идеала — мысль очень распространенная среди людей „сочувствующих“ анархизму. С кличкой мечтателей и утопистов мы всегда легко мирились и она нас нисколько не задевает. Но что серьезно глубоко-трагично по существу, это — следы той же мысли у самих наших борцов.

Кому из нас не случалось слышать, как с болью, чуть не со слезами на глазах, говорится при вести о новых потерях, о новых казнях: „Еще и еще раз погибли лучшие товарищи, и все какие ценные молодые жизни, какие чистые типы нравственной красоты! И

подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребает жар одна только либеральная буржуазия! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видеть, за что отдают свою жизнь!“ И нужно заметить, что ни одного не остановило это, ни один не пожалел себя: везде и всегда анархисты оказывались там, где всего сильнее кипит борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечемся от привычных, шаблонных, принятых мнений и спросим себя: действительно ли русская революция должна привести всего на всего к господству либеральной буржуазии? Действительно ли мы переходим, согласно известной исторической теории, в ту самую стадию общественного развития, в которую сто лет тому назад перешла Франция?

Если стоять на фаталистической точке зрения ортодоксального марксизма, то, конечно, надо ответить утвердительно; но если мы от этой точки зрения отрешимся и постараемся рассуждать вне ее, то что мы увидим? Русская революция совершается в момент, когда во всем человечестве идет движение под знаменем социализма.

Впродолжении всего XIX века вырабатывалась, на почве разочарования в экономических результатах французской революции, социалистическая идея. Она родилась в рабочих массах западной Европы, а оттуда перешла в Россию, сначала в передовую интеллигенцию, затем, по мере изменения общих экономических и культурных условий, и в рабочие массы.

В настоящее время русский рабочий стоит на уровне западно-европейского, и ни в своей жизни, ни в своих идеалах не воспроизводит того, чем был француз XVIII века, как и социализм русских социалистов не имеет ничего общего с идейными веяниями современников Великой Революции. Россия не была отделена китайской стеной от остального мира; она развивалась с ним вместе и не может, поэтому, повторять, повинуясь исторической схеме то, что происходило в других странах 100 или даже 50 лет тому назад. Раз социализм встал, как цель, перед всем человечеством, Россия, как участница общего движения, не может сознательно отвернуться от него, не может остаться вне хода современной истории.

В России ставятся те же вопросы; те же, как и повсюду, задачи ее движения. А раз задача поставлена — значит она осуществима; раз была возможность, была почва для ее постановки, то, значит, есть возможность и для ее проведения в жизнь.

Но это проведение в жизнь требует усилий людей; оно возможно, осуществимо в той мере, в какой эти усилия приложены; оно — не мечта, в той мере в какой сами деятели не считают его мечтою. Учесть шансы того или другого течения в революционное время ускоренного темпа жизни — более чем трудно, и лучше ошибиться в сторону переоценки своих сил, чем наоборот.

Излишней смелости мысли и дела быть не может, а недостаток их может быть очень вреден. Предоставим самой жизни урезать то,

что окажется преждевременным или неприложимым; она всегда сделает это, более чем в достаточной мере. Наше дело — стремиться к достижению как можно более широкопоставленных целей, к достижению нашего идеала *во всей его полноте*, а степень проведенного в жизнь будет соответствовать степени энергии нашей работы и нашей веры в победу. И как бы много разочарований ни встречало нас на пути, будем помнить великие слова Лаврова: „Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным!“

Об организации.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрек на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм, это — хаос, беспорядок, вражда каждого против всех, тогда как организация это—гармония, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова „организация", а также и незнакомство с основными принципами анархизма, привели к тому, что по этому вопросу—особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особенную важность—создалась целая масса предрассудков, еще более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или экономики.

Что такое организация? — Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более

стремится оно к типу организации, которая представляла бы одновременный рост *общественной солидарности и индивидуального развития* составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишенных чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадом рабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновременного развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили ницшеанствующие аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он, лично, стоит выше окружающих, то его развитие—однобокое: в нем остались неразвитыми лучшие человеческие чувства, справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты *не вопреки* тому, что мы анархисты, а именно *в силу этого.*

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это — свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это

уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни была другая. Эту-то *свободную, добровольную* организацию, — это *вольное соглашение* мы и противополагаем всякой организации принудительной, иерархической, и считаем, что она делает человеческий союз теснее и прочнее.

Пока речь идет только об общественном „идеале“, с нами еще, пожалуй, соглашаются: „идеал“—дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает *сейчас*. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал *обязывает сейчас*, и для последовательного человека не может быть раздвоения; одно — в идеале, другое, совершенно противуположное—на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социальдемократы: известную фразу Энгельса на этот счет не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая рассчитывать на это „само“, находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница еще в том, что, предвидя уничтожение государства в будущем, социальдемократы делают в настоящем все для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпу-

таться из этого положения людям того момента, когда произойдет „скачек из царства необходимости в царство свободы“ и сильное государство перейдет в свою противуположность, т. е. в полное отсутствие оного. Мы же не рассчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. „На Бога надейся, а сам не плошай“.

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем все возможное, чтобы подорвать ее. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, об‘единенных под властью одного центрального комитета, а совокупность всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собою партию, и притом партию *всемирную*; мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой работу в профессио-

нальных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство которого нельзя достигнуть никакими искусственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всем мире. На практике, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно, еще более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле мы опять-таки можем говорить об „анархической партии" в России, во Франции, в Испании и т. д.

Как же представляем мы себе такую партию, в последнем, более узком смысле, т. е. в смысле людей, связанных не только общностью идеи, но и практическими сношениями?

В основе ее лежит *группа* — многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной надобности близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было *практическую* работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторского типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративные дела и вообще играю-

щий руководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задается целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого то странного предрассудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в нее должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов группы между собою устраняет многие принципиальные и практические затруднения.

Как решаются, например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами—вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров), мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильным, только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10. По каждому

данному вопросу, в группе *должны придти к соглашению*; если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться.

Каждая такая группа—будь она постоянная, или созданная для определенных целей, должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами, устанавливать какие ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение): эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношения могут быть очень различны: возьмет ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почему нибудь легче могущий исполнять это, будут ли группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личные связи (как обыкновенно происходит во французских группах)—это зависит от условий, и принципиального значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чем бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, *принятое решение всегда обязательно толь-*

ко для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается. Это — основной принцип анархической огранизации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других ее форм.

Помимо постоянной федеративной связи, существенным средством общения между группами могут служить с'езды. Вопрос о них поднимался не мало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вначале (80-ые годы) решительно против всякого рода с'ездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких с'ездов, где нет ни голосования ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее[1]).

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из за организационного вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социальдемократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающим участия

---

[1]) Пример существовал, однако, в с'ездах английских рабочих союзов (трэд-юнионов). Решение их с'ездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. Ред.

в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентарного символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационные правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уж очень принято говорить об анархистах, как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужие организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические с‘езды. В Бельгии такие с‘езды происходят периодически, а в Англии—раз в год; собираются, или делегаты всех существующих групп, или только из нескольких городов. В Соединенных Штатах, где движение ведется главным образом выходцами из Европы, происходят такие же с‘езды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на еврейском языке. Бывают анархические с‘езды и в Голландии, и даже в Германии.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большие затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленные, импровизированные конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время общесоциалистических международных конгрессов.

Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьезный, задолго подготовленный с‘езд. На призыв группы товарищей, взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени с‘езда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и т. д. Было получено больше 90 докладов по разным вопросам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах[1]). Но конгресс был запрещен французским правительством на основании исключительного закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагалось устроить международный с‘езд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно с‘езды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась

---

[1]) Они составляют большой том, изданный при Temps Nouveaux в Париже. Ред.

органом всей партии и оффициальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься, не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнения, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об оффициальном органе. Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с ней согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды.[1]) В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда *против* большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, нисколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений *всех* анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто со-

---

[1]) Любопытно заметить, что всякий раз появление нового органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. *Ред.*

гласен с нею. — Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об оффициальных партийных органах сидит еще глубоко.

Отсутствие у анархистов центрального учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, „всякий молодец на свой образец". Но стоит только немного подумать, чтобы увидать, что существование центрального комитета ничего на изменило бы. Положим, что в партии, по какому нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это разногласие, разумеется, не исчезает, а только *подавляется* дисциплиной; в результате, меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии—большинству или меньшинству—нет возможности увидать, как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создается хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того, чтобы искать точек соприкосновения, все дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например, о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было напр. во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в преды-

дущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционного духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решайся этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым был бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемого ими способа действия. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочие организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными: рабочие понемногу переставали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и бескорыстных работников. Анархические идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов „синдикалистов" быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета „*La Révolte*" на упрек, высказанный бывшим коммунаром Лефрансэ в брошюре „Куда идут анархисты?" Автор упрекает анархистов, между прочим, в том, что их принцип: „Делай что хочешь."

Да, говорит „*La Révolte*“, „Делай что хочешь“ —наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неот‘емлемую принадлежность революционера? Да, анархист стремится к тому, чтобы люди делали то, чего они хотят, и своею деятельностью надеется не *принудить* людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они *хотели* поступать так или иначе. Бороться силою мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насилием удерживает свое господство. Но когда революция победит (а внутри революционной среды—уже и теперь), мы будем рассчитывать для дальнейшего распространения наших идей на одно только *вольное соглашение*.

Всеобщая стачка[1]).

Вопрос о всеобщей стачке, который еще так недавно обходила молчанием почти вся социалистическая литература, за исключением анархической, в последние годы выступил на первый план во всей Европе. Это случилось благодаря развитию в революционном направлении профессиональных рабочих союзов, которые теперь играют все большую роль в социалистическом движении и постепенно отодвигают на задний план парламентские социалистические партии. На всех интернациональных и национальных конгрессах, социаль-демократии приходится обсуждать этот вопрос, от которого еще так недавно она отделывалась известной фразой: „Всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица“; а последний международный конгресс (амстердамский) признал, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимым орудием борьбы.

В России идея всеобщей стачки выросла с удивительной быстротой. Еще каких нибудь 5—6 лет тому назад заговорить о ней зна-

[1]) Настоящий доклад появился впервые в печати под псевдонимом „М. Изидина“.

чило заговорить на каком-то чужом, непонятном ни для кого языке. Можно ли думать, говорили нам, о подобном средстве борьбы в стране, где даже самая мелкая стачка — преступление, и существующий правительственный строй делает невозможным движение, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организации, замечательного единства действия. На деле оказалось, однако, что как только русское рабочее движение выросло настолько, что, почувствовав свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку как самое лучшее, самое верное средство борьбы. Первым крупным движением этого рода были южно-русские стачки 1903 года; затем грандиозная стачечная волна прокатилась по всей России после 9 января; наконец октябрьское движение 1905 г., приостановив экономическую жизнь столиц и оторвав Россию от всего остального мира, оказалось, по высоте революционного настроения и по своему могуществу, самым знаменательным из протекших до сих пор моментов русской революции. Этому движению удалось сделать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть к господствующему политическому строю, ни полувековая борьба революционеров, ни героизм террористических актов: правительство сдалось, оно оказалось бессильным перед напором всеобщей стачки. Ценны здесь для нас, конечно не сами уступки, а тот путь, которым они были достигнуты. Специально рабочее орудие борьбы—стачка —до сих пор служившее лишь для завоева-

ния отдельных частичных улучшений, поднялось здесь на высоту средства борьбы с целым режимом; эту борьбу целиком вынесли на себе рабочие; как рабочие, силою давления своих профессиональных организаций, они добыли свободу печати, завоевали себе захватным порядком право собраний и свободу слова и показали путь, каким придется бороться и в будущем. Всеобщая стачка и захватный порядок—два тактические приема близкие анархическому миросозерцанию — были именно в России проведены в жизнь полнее, чем где бы то ни было.

Отрицать силу и значение всеобщей стачки после такого опыта—невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, под какими лозунгами идет и может идти борьба, как организуется она, к каким результатам приводит. Социальдемократия, признав в резолюции Амстердамского конгресса всеобщую, или, по принятой формулировке, „массовую" стачку пригодным орудием борьбы, вместе с тем поспешила заявить, что ее „массовая стачка" не есть „всеобщая стачка" анархистов. В чем же различие, и что понимаем под всеобщей стачкой *мы*?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла в западной Европе в процессе рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной из главных форм протеста рабочего класса против капиталистического гнета. Стачки более или менее обширные и революционные, велись во всех странах по различным поводам и с разными целями — экономическими и политическими,

профессиональными и общими. Но одна черта об‘единяла все эти движения: они сплачивали рабочих, противупоставляя их буржуазии, как одно солидарное целое, наглядно показывали деление общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитов. В этом—социалистическое значение стачечной борьбы. На ней рабочие научились сознавать свое могущество и смотреть вперед, уже не только на улучшение своего положения, но и на свое *полное освобождение*. Сорок лет тому назад, Интернационал явился выразителем этих стремлений и провозгласил два великие принципа: международную солидарность и рабочую самодеятельность. Вместе с тем сейчас же заговорили о всеобщей стачке. Вопрос был поднят сначала на Брюссельском конгрессе (1868 г.), затем более подробно разбирался на Женевском конгрессе 1873 года, уже после раскола в Ассоциации; отметим, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернационала, та, во главе которой стояла знаменитая Юрская федерация. В последующие годы, однако, мы не видим дальнейшего развития этой идеи, как не видим и попыток ее практического осуществления. Причина этого, с одной стороны — общая реакция, охватившая Европу после поражения Коммуны, с другой — то направление (тоже реакция в социализме), которое приняло рабочее движение. В предыдущие годы, целый ряд революционных движений вызвал много перемен в политическом строе европейских стран: были завоеваны, где республика, где всеобщее избира-

тельное право, где другие политические реформы. Среди социалистов возникло и укрепилось направление, возлагавшее на эти новые учреждения все надежды; рабочие—как у нас теперь — еще не имели случая в них разочароваться. Принцип рабочей солидарности был забыт, а с ним была оставлена и мысль о всеобщей стачке. Парламентаризм и легальная политика надолго отвлекли внимание от чисто-рабочих способов борьбы.

О всеобщей стачке вспомнили больше 16 лет спустя, когда в 1885—87 г. г. в Америке поднялось сильное движение в пользу 8-ми часового рабочего дня. Это было именно то движение, которое послужило началом первомайских манифестаций, и мы не можем не напомнить всем, кто теперь принимает участие в демонстрациях 1-го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повешенные в Чикаго 11 ноября 1887 г.—Вскоре мысль о всеобщей стачке перенеслась в Европу и быстро стала приобретать себе сторонников, особенно среди французских рабочих. Вместе с тем, по мере того, как над ней стали задумываться, изменился и самый взгляд на нее: из средства достижения уменьшения рабочего времени, увеличения заработной платы и т. под., она стала в глазах рабочих, средством *полного освобождения* рабочего класса.

В 1888 году во Франции происходил с'езд рабочих союзов; на нем в первый раз вопрос о всеобщей стачке был поставлен и разрешен именно в этом смысле. На следующих конгрессах, в 1892 и 1893 г.г., он снова

обсуждался; прения были очень горячие, новая идея встретила сильный отпор в социаль-демократических рядах. Решительным моментом был с'езд 1894 года, в Нанте: обе партии выставили самые убедительные аргументы, самых лучших своих ораторов; весь с'езд был поглощен этим вопросом. Наконец идея всеобщей стачки была окончательно признана, и с тех пор стала лозунгом французского рабочего движения, основною чертою того течения, которое в последние годы приняло название „революционного синдикализма".

Как всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядах наших западно-европейских товарищей ту форму, в которой мы находим ее теперь. Вопросы выяснялись мало по малу. Много заблуждений отошло в вечность. Практика стачек, частных и общих, дала ряд указаний и помогла разрешить вопрос о том, чем может быть и как может произойти всеобщая стачка. Во первых, что такое *всеобщая* стачка? Неужели ждать, пока *все* рабочие *всей* страны бросят работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючего материала в рабочей среде достаточно приостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общего хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки железнодорожных и портовых рабочих и служащих; не даром правительства (во Франции, в Италии, в Голландии и т. д.) пытались и пытаются внести такие законы, которые бы пре-

дотвратили эти стачки, или путем полного запрещения их, или путем призыва железнодорожников на военную службу в момент стачки, или путем замены стачечников солдатами. В России зверские правительственные убийства на железнодорожных линиях, карательные поезда, постоянная посылка войск на станции — лучшие свидетели панического страха, внушаемого железнодорожной стачкой. Кроме того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбежно ведет к приостановке работ в других отраслях с нею связанных и заставляет бастовать поневоле целую массу рабочих. Это—один из путей расширения стачки; другой — самый существенный — вытекает из накопившегося недовольства, из заразительности примера, из духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, с какою рабочим в России удавалось во время стачки снимать работавших, закрывать фабрики и мастерские и в несколько часов остановить жизнь любого промышленного центра, служат лучшим доказательством того, что для успеха стачки вовсе не нужно, чтобы к движению *заранее* примкнули все рабочие.

Вопрос о предварительной организации всеобщей стачки, об управлении ею, о декретировании ее в определенный момент,—тоже один из важнейших, в практическом отношении вопросов. Относительно его существует, в России в особенности, много заблуждений и предрассудков; Россия еще имеет мало опыта в *массовых* революционных движениях и русские деятели склонны придавать преувели-

ченное значение решениям тех или иных партийных организаций, забывая, что жизнь партии и жизнь массового движения следуют совершенно различным законам. Вот почему стачки декретированные никогда не удавались, а те которые возникали стихийно, принимали неожиданно широкие размеры и разростались в грандиозные революционные движения. В самом деле, как развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинают бастовать по какому нибудь поводу рабочие одного завода или одной мастерской; затем, если настроение боевое, их требования поддерживают рабочие других заводов, попутно выставляя и свои. Стачка разростается, питаясь сопротивлением хозяев и начинающимися правительственными репрессиями. Начинаются собрания, демонстрации, возникают „стачки из солидарности" в других отраслях. Если движение идет достаточно быстро и под'ем духа силен, рабочие закрывают все, что еще работает, стачка становится всеобщей. В этот момент город, — а иногда и целый ряд городов—фактически во власти рабочих. Это — самый решительный, самый критический момент движения; от него зависит вся судьба его. И вот во взгляде на этот-то момент мы решительнее всего и расходимся с социалистами государственниками всех фракций.

Самый важный вопрос в это время: останется ли всеобщая стачка мирной: „стачкой со сложенными руками", или же станет революционной, перейдет в наступление? Мы отвечаем: чтобы движение быстро не пошло на

убыль, этот второй шаг необходим. Наш ответ вполне сходится с тем, какой дают французские рабочие, лучше всех других разработавшие вопрос о возможном характере, и исходе всеобщей стачки. Вот что говорится, например, в одной брошюре Пеллутье[1]), одного из самых видных деятелей рабочих союзов во Франции: „Всеобщая стачка не будет движением мирным, потому что если бы даже такое движение было возможно, оно не привело бы ни к чему. Если говорить о том, у кого будет больше средств, то преимущество всегда останется на стороне богатых; победить деньги может только сила. Иногда говорят, что рабочие могут сделать себе запасы заранее; но ведь буржуазия может сделать это еще легче! Допустим, однако, что с обеих сторон окажется одинаковое количество запасов. Ну, а когда они выйдут, что тогда? Представьте себе такую сцену: с одной стороны—буржуа, с другой—рабочие, все—голодные, а между ними в бездействии, все средства производства, т. е. путь к тому, чтобы утолить свой голод.... Допустим даже, что буржуа уступят первые. Чего же потребуют от них рабочие? Полного отречения? Тогда, раз уж погибать, буржуа предпочтут попытать счастья в борьбе, и всеобщая стачка превратится в революцию. Но возможно, что рабочие потребуют только некоторых уступок.., но тогда через несколько лет, та же история возобновится: Нет, я говорю прямо, что всеобщая стачка, это—революция“.

---

[1]) *„Qu'est-ce que la Grève Générale“.*

Брошюра Пеллутье была написана лет 8 — 9 тому назад, и вот что говорилось в 1900 году на с'езде французских рабочих организаций в Париже: „Если вы стремитесь ко всеобщей стачке, говорит один делегат, вы должны подумать о том, что последует за нею, о роли рабочих после победы. Нужно например, чтобы булочники знали, сколько хлеба нужно напечь для данной местности, какими средствами они для этого располагают и т. д." „Когда мы провозгласим всеобщую стачку, говорит другой, мы должны будем иметь смелость сделать ее революционной... Она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства". Третий об'ясняет: „Если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства, чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно. Нужно, поэтому чтобы всеобщая стачка приняла революционный характер; к этому ее приведут, впрочем, сами события". Тот же взгляд проводится и в ряде статей о всеобщей стачке, помещенных в сборнике „Всеобщая стачка и социализм", изданном года полтора тому назад Лагарделем[1]). Перед Амстердамским конгрессом редакция журнала „*Mouvement Socialiste*", издаваемого им, разослала видным деятелям социализма и рабочего движения ряд вопросов относительно их понимания всобщей стачки. Ответы социальдемократов выражают, или совершенно отрицательное отношение к ней, или крайне с'ужи-

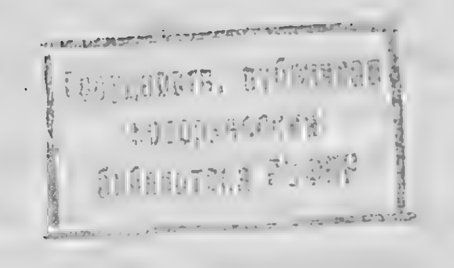
) „*La Grève Générale et le Socialisme*".

вают ее задачу; ответ представителей рабочих организаций, особенно французских, носят обратный характер. Вот, между прочим, что говорит Гриффюэль, секретарь Французской Всеобщей Конфедерации Труда: „Всеобщая стачка, в ее современном виде, не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение всем общественным богатством, которое будет затем эксплоатироваться корпорациями, в частности синдикатами, в пользу всех...“

Такое понимание всеобщей стачки есть и наше понимание. Оно естественно вытекает из нашей основной точки зрения непосредственной *экономической* революции, непосредственного захвата рабочими всех орудий труда и наличных богатств, — и тесно связано с нею. Вот почему этот взгляд никогда не будет разделяться теми социалистическими партиями, которые идут к социализму через захват власти, и почему между социальдемократическим пониманием всеобщей стачки и нашим всегда будет целая пропасть.

Итак, *для нас*, всеобщая стачка — разростающаяся сама собою, стихийно, благодаря боевому настроению рабочей среды, а не декретированная каким нибудь центральным органом — первый шаг революции, шаг который должен дезорганизовать буржуазные и государственные силы и крайне затруднить для них борьбу. За этим шагом должен последовать второй — *экспроприация*. Всеобщая стачка, в наших глазах, — слишком могучее средство для достижения политических реформ или частичных улучшений. Когда, хоть на один

день, рабочие становятся господами положения, не воспользоваться этим для решительного боя и для решительной победы мы считаем положительно преступным. Пора уже, чтобы рабочие силы и рабочая кровь перестали тратиться даром.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Его-же.—Политические права . . . . Ц. 1 р. — к.
Его-же.—Новый Интернационал . . . . Ц. 1 „ — „
Э. Малатеста.—Избранные сочинения . Ц. 48 „ — „
Его-же. Анархизм . . . . Ц. 13 „ — „
Его-же.—Краткая Система Анархизма . Ц. 20 „ — „
Его-же.—Крестьянские речи . . . . . Ц. 12 „ — „
М. Неттлау.—Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. . . . . Ц. 40 „ — „
Его-же.—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса. Ц. 6 „ — „
Ф. Пеллутье.—История Бирж Труда . . Ц. 63 „ — „
М. Р—ский.—Франциско Феррер и его Новая Школа . . . . Ц. 54 „ — „
В. Траутман, Дж. Эттор и В. Сэнт-Джон.—Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро) . Ц. 30 „ — „
С. Фор.—Преступления Бога (второе изд.) Ц. 10 „ — „
В. Черкезов.—Предтечи Интернационала; Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому) Ц. 65 „ — „

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет:

М. Бакунин.—Избранные сочинения.
СОДЕРЖАНИЕ:
4-го тома: Организация Интернационала; Политика Интернационала; Письма о Патриотизме; Письма к французу; Парижская Коммуна и понятие о Государственности; и др.
5-го тома: Интернационал и Мадзини; „Альянс“ и Интернационал.

Д. Баррэт.—Анархическая Революция.
Ж. Грав.—Синдикализм в его социальном развитии.
П. Кропоткин.—Речи бунтовщика (новый перевод, с предисловием и послесловием автора к новому изданию).
Его-же.—Записки Революционера.
Его-же.—Современная Наука и Анархия (перевод под редакцией автора с предисловием к русскому изданию).
Э. Пато и Э. Пуже.—Как мы совершим революцию.
Элизе Реклю.—Избранные сочинения (с биографическим очерком Н. К. Лебедева и предисловием П. А. Кропоткина).

Книгоиздательство
СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

„Голос Труда“.

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70[1]

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серия биографических очерков:

Жорж Ивто о Фер. Пеллутье. П. А. Кропоткин. Фриц Брупбахер и др. о Дж. Гильоме. И, Гроссман-Рощин о П.-Ж. Прудоне. Н. К. Лебедев о Элизе Реклю.

КНИГИ:

А. Беркман.—Воспоминания Анархиста.
Дж. Гильом.—Интернационал (Воспоминания и Материалы).
Э. Гольдман.—Анархизм.
Ж. Грав.—Реформы и Революция.
Его-же.—Свободная Земля (роман).
Ж. Дежак.—Гуманисфер (утопия).
Х. Корнелиссен.—Вперед к новому обществу.
П. Кропоткин.—Поля, Фабрики и Мастерския.
Его-же.—Взаимная Помощь.
Ф. Домела Ньювенгаус.—Социализм в опасности.
П.-Ж. Прудон.—Философия нищеты.
Его-же.—О правосудии.
Эли Реклю.—Парижская Коммуна изо дня в день (дневник событий 1871 года).

БРОШЮРЫ:

П. Кропоткин.—Парижская Коммуна.
Его-же.—Экспроприация.
Его-же.—Государство и его роль в истории.
Его-же.—Правосудие и нравственность.
Элизе Реклю.—Богатство и Нищета.

Цена 50 руб.

